

Сергей Полехов
Москва

ВЛАСТЬ В ПОЛОЦКЕ
В XIV – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XV в.
ИЗ ИСТОРИИ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ ЦЕНТРА
И РЕГИОНОВ В ВЕЛИКОМ КНЯЖЕСТВЕ
ЛИТОВСКОМ¹

Стаття присвячена розподіленню владних повноважень між мешканцями Полоцької землі і великими князями литовськими у світлі їх взаємовідношень у XIV – першій половині XV ст. Простежуються згадки про участь полочан (полоцьких бояр і міщан) в управлінні Полоцькою землею, обґрунтовується висновок про існування у Полоцьку віча – зібрання його мешканців, яке поступово набирало рис політичного інституту.

Ключові слова: Полоцьк, Велике князівство Литовське, Вітовт, система управління, віче, центр і регіони.

Статья посвящена распределению властных полномочий между жителями Полоцкой земли и великими князьями литовскими в свете их взаимоотношений в XIV – первой половине XV в. Прослеживаются упоминания об участии полочан (полоцких бояр и мещан) в управлении Полоцкой землей, обосновывается вывод о существовании в Полоцке вече – собрания его жителей, которое постепенно приобретало черты политического института.

Ключевые слова: Полоцк, Великое княжество Литовское, Витовт, система управления, вече, центр и регионы

The article is devoted to the distribution of power between the inhabitants of the Polotsk land and the grand dukes of Lithuania in the light of their relations in the 14th and the first half of the 15th century. The mentions of the Polotsk inhabitants (boyars and townspeople) participation in the administration of the region are traced. The author comes to the conclusion that veche (an assembly of inhabitants) existed in Polotsk and was gradually gaining traces of a political institution.

Key words: Polotsk, Grand Duchy of Lithuania, Vytautas, administrative system, veche, center and regions

¹ Работа выполнена в период постдокторантской стажировки в Вильнюсском университете (проект «Формирование системы управления русскими землями Великого княжества Литовского в XIV–XV вв.»), финансируемой по проекту Структурных фондов Европейского союза «Осуществление постдокторантских стажировок (постдок) в Литве».

Понять феномен Великого княжества Литовского (далее – ВКЛ) невозможно, не выработав конкретного представления о том, какие взаимоотношения складывались между двумя его частями – историческим ядром, «Литовской землёй», и периферийными землями, составлявшими большую часть его территории (не только русскими землями, но и Жомойтью). Обычно отмечается, что в XIV в. на русских землях ВКЛ существовали крупные удельные княжества Гедиминовичей, а Витовт, придя к власти в конце века, заменил их князей на своих наместников – главным образом литовских бояр-католиков (иногда эта часть его реформ определяется как централизация государства). Но какую роль в управлении «своими» землями играло местное общество и как на его положении отозвались социально-экономические и политические процессы, происходившие в каждой из этих земель и во всём Великом княжестве Литовском в XIV–XV вв.?

Для ответа на этот вопрос имеет смысл сопоставить распределение властных полномочий между правителем и его подданными до и после преобразований конца XIV в. Такую возможность дают материалы, относящиеся к одному из северных регионов Литовской Руси² – Полоцкой земле. Для XIV в. это немногочисленные договоры, послания и пожалования³, а также известия нарративных источников. С конца XIV в. количество источников резко возрастает, прежде всего за счёт посланий, посвящённых торговле с Полоцком и адресованных совету города Риги –

² Под Литовской Русью здесь подразумевается вся совокупность русских земель Великого княжества Литовского. По мнению М. К. Любавского, Русью «в особом, частном смысле» в Великом княжестве Литовском именовались «волости, расположенные по среднему Днепру и его притокам: Сожу, Березине и нижней Припяти» (*Любавский М. К. Областное деление и местное управление Литовско-Русского государства ко времени издания Первого Литовского Статута*. – М., 1892. – С. 12–15). Эту теорию подхватил польский учёный В. Каменецкий. Однако ещё сто лет назад Оскар Халецкий в своём блестящем исследовании показал, что «литовской Русью» в соответствии с терминологией источников правомерно называть *все русские земли Великого княжества Литовского* (*Halecki O. Litwa, Ruś i Żmudź jako części składowe Wielkiego Księstwa Litewskiego* // *RAU*. – Т. 59. (Ser. 2. Т. 34.). – Kraków, 1916. – S. 14–17).

³ Большинство документальных источников по истории Полоцкой земли собрано, издано и прокомментировано: Полоцкие грамоты XIII – начала XVI вв. / Подг. А. Л. Хорошкевич; отв. ред. А. А. Зимин. – Вып. 1–5, Указатели. – М., 1977–1989. В настоящее время подготовлено и находится в печати новое издание: Полоцкие грамоты XIII – начала XVI века / Подготовили А. Л. Хорошкевич (отв. ред.), С. В. Полехов (зам. отв. ред.), В. А. Воронин, А. И. Груша, А. А. Жлутко, Е. Р. Сквайрс, А. Г. Тюльпин. – Т. 1–2. – М., 2015 (первый том включает тексты грамот, каталоги их печатей и водяных знаков, второй – комментарии, исследовательские статьи и справочные материалы). Для удобства читателей ссылки даются параллельно на оба издания (далее – ПГ, с указанием выпуска для 1-го издания и тома для 2-го).

главного торгового партнёра Полоцка. Их адресантами были великие князья литовские, полоцкие наместники (впоследствии воеводы)⁴ и сами полочане, а также члены немецкой купеческой общины, размещённой в Полоцке. Обращает на себя внимание следующий факт: если сохранившиеся послания конца XIV и первых десятилетий XV в. написаны главным образом от имени великого князя литовского Витовта⁵ и рижских купцов, сообщавших властям метрополии о разных аспектах взаимоотношений с торговыми контрагентами⁶, то в середине – второй половине XV в. преобладают послания полоцких наместников (воевод) и полочан, выступавших как вместе, так и по отдельности; в предшествующий период их не так уж много⁷. Естественно, возникает вопрос: насколько показательны приведённые количественные соотношения разных групп источников? Что они отражают – динамику контактов властей Риги с Великим княжеством Литовским, динамику развития письменной культуры в разных центрах на территории ВКЛ или же некое случайное соотношение, сложившееся стихийно, в результате функционирования городского архива Риги в XIV–XVIII вв.⁸

Как показала А. Л. Хорошкевич, преобладание писем немецких купцов за конец XIV – первую половину XV в. не случайно, а отражает динамику породившей их торговли Полоцка с Ригой: если в указанный период ведущая роль в ней принадлежала рижским купцам, то во второй половине

⁴ О проблеме наименования должностей в Полоцкой земле см. ниже.

⁵ Таких посланий сохранилось 15. См.: ПГ. – Вып. 1. – М., 1977. – № 19, 20, 21, 22, 23, 24, 25, 27, 31, 32, 41, 42, 46, 47, 48 (Т. 1. – № 19, 29, 30, 31, 36, 37, 38, 41, 42, 43, 45, 46, 47, 59, 60). См. также жалованные грамоты Витовта рижанам: ПГ. – Вып. 1. – № 26, 36 (Т. 1. – № 39, 53).

⁶ Наибольшее число таких посланий опубликовано в изданиях: Liv-, esth- und curländisches Urkundenbuch nebst Regesten. Bd. 6. Nachträge zu den fünf ersten Bänden / Hrsg. von F. G. Bunge. – Riga, 1873 (далее – LECUB. Bd. 6); Hansisches Urkundenbuch. – Bd. 5 (1392 bis 1414) / Bearb. von K. Kunze. Halle, 1899 (далее – HUB. Bd. 5). Однако и в них вошли далеко не все послания немецких купцов из Полоцка: в ф. 673 («Внешний архив Рижского магистрата») Латвийского государственного исторического архива автору этих строк удалось выявить более 20 таких посланий. Их изучение, трудное из-за палеографических и языковых особенностей, продолжается, но уже в настоящее время целесообразно осмыслить накопленный материал, что является одной из задач данной статьи.

⁷ За конец XIV – первую половину XV в. (до 1440 г.) таких посланий сохранилось лишь 12. См.: ПГ. – Вып. 1. – № 17, 30, 39, 40, 43, 44, 45, 49, 50, 51, 52, 53 (Т. 1. – № 32, 40, 44, 56, 57, 61, 62, 63, 66, 67, 68, 71); см. также грамоту полочан о поручительстве за пленных сограждан: ПГ. – Вып. 1. – № 33 (Т. 1. – № 65). Не сохранились, но известны по упоминаниям ещё несколько таких посланий (ПГ. – Т. 1. – № 34, 35, 70, 72).

⁸ Подробнее см.: *Mahling M. Ad rem publicam et ad ignem. Das mittelalterliche Schriftgut des Rigaer Rats und sein Fortbestand in der Neuzeit* (Studien zur Ostmitteleuropaforschung). Marburg, 2015 (в печати).

XV в. активизируется позиция полочан, о чём свидетельствуют их участвовавшие поездки в Ригу⁹ (это привело и к упадку немецкого торгового двора в Полоцке, отмеченному ещё первым его исследователем Г. Гильдебрандом¹⁰). Хотя комплекс полоцких посланий в Рижском городском архиве сохранился далеко не полностью, а понёс какие-то утраты между временем своего возникновения и XVII в., к которому относятся первые подробные описания¹¹, всё же едва ли эти утраты были столь «пропорциональными», что за первые десятилетия XV в. исчезли послания *именно* полоцких властей, а за середину и вторую половину столетия – великих князей литовских. Подобного разделения документов по их адресантам в Рижском архиве не существовало, во всяком случае в XVI–XVII вв. Стало быть, в том, что в конце XIV – первой трети XV в. преобладают послания великого князя литовского и немецких купцов, а в середине – второй половине XV в. – послания полоцких властей, можно видеть показатель определённой динамики коммуникации Полоцка с Ригой.

Определённую информацию можно извлечь из договоров Риги с Полоцком и великими князьями литовскими и их проектов, посольских инструкций, а также книги расходов г. Риги, поскольку статьи этих расходов включали приём полоцких и литовских послов и отправку рижских. При этом послания рижских купцов и другие «внешние» по отношению к Полоцку источники относительно редко использовались в исследованиях по истории Полоцкой земли и ВКЛ, а значительная их часть и вовсе ещё не введена в научный оборот¹². Актовые источники местного происхождения¹³ – разного рода грамоты великих князей литовских, акты полоцких

⁹ Choroschkewitsch A. L. Die Polozker Urkunden aus dem ehemaligen Stadtarchiv Riga als Quelle zur Geschichte der russisch-hansischen Beziehungen am Ende des 15. Jahrhunderts // Neue Hansische Studien / Hrsg. von K. Fritze, E. Müller-Mertens, E. Voigt. (Forschungen zur mittelalterlichen Geschichte. Bd. 17.). – Berlin, 1970. – S. 34.

¹⁰ Гильдебранд Г. Немецкая контора в Полоцке // Сборник материалов и статей по истории Прибалтийского края. – Рига, 1879. – Т. 2. – С. 44–80, здесь с. 74–75.

¹¹ Latvijas valsts vēstures arhīvs (далее – LVVA). – F. 673. – Apr. 1. – L. 1482.

¹² Наибольшее число таких источников сохранилось в историческом Рижском городском архиве, ныне в составе ф. 8 и 673 Государственного исторического архива Латвии. Подробнее см.: Иванов А.С. «Moscovitica–Ruthenica» в Латвийском государственном историческом архиве: История формирования комплекса, состав и введение в научный оборот // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. – 2004. – № 3 (17). – С. 47–54; Его же. «Moscovitica–Ruthenica» в Латвийском государственном историческом архиве: История формирования комплекса, состав и введение в научный оборот. Важнейшие публикации документов комплекса «Moscovitica–Ruthenica» // Там же. – 2004. – № 4 (18). – С. 94–106.

¹³ «Местного» в широком смысле, включая не только сам Полоцк, но и вообще власти и общество Великого княжества Литовского.

наместников (воевод) и частных лиц – сохранились главным образом в Литовской метрике, систематическое ведение книг которой началось в последней четверти XV в., в меньшей мере – в составе частных архивов. Благодаря Литовской метрике дошло до нас и древнейшее подтверждение полоцкого областного привилея, текст которого начал складываться, по всей видимости, не позднее XIV в. и затем дополнялся новыми положениями¹⁴. Местная летописная традиция практически не сохранилась либо была «сконструирована» в первой половине XVI в. (имеется в виду т. н. «Повесть о Полоцке» Второго летописного свода ВКЛ, о которой будет сказано ниже).

Общая особенность документальных источников по истории Полоцкой земли за указанный период состоит в том, что многие из них не датированы и поддаются датировке лишь приблизительно, в пределах того или иного временного отрезка. Из-за этого, а также из-за проблем сохранности Рижского городского архива, о которых говорилось выше, сложно установить динамику властных отношений в Полоцкой земле в переломную эпоху конца XIV – первых десятилетий XV в., и часть выводов обречена на гипотетичность. Эти обстоятельства, а также относительная немногочисленность источников, ограничивают возможности палеографического метода датировки документов.

Одним из первых к изучению административной системы Полоцкой земли обратился М. К. Любавский. Он собрал данные об аппарате управления и волостях Полоцкой земли, содержащиеся в документах конца XV – середины XVI в.¹⁵ В те же годы, когда писал Любавский, вышли работы В. Е. Данилевича по истории Полоцкого княжества до конца XIV в.¹⁶ и польского историка Яна Якубовского о земских (общегосударственных) и областных привилеях великих князей литовских. Хотя в последней работе полоцкому областному привилею посвящено всего несколько стра-

¹⁴ ПГ. Вып. 3. № 323. Специальные исследования этого памятника: *Якубовский И. В.* Земские привилеи Великого княжества Литовского. [Ч. 2] // Журнал Министерства народного просвещения. – 1903. – № 6. – С. 245–303; *Макараў М.* Ад пасада да магдэбургіі: правае становішча насельніцтва местаў Беларускага Падзвіння ў XIV – першай палове XVII ст. – Мінск, 2008. – С. 134–159.

¹⁵ *Любавский М. К.* Областное деление и местное управление Литовско-Русского государства ко времени издания Первого Литовского Статута. – М., 1892. – С. 254–261; о политической истории Полоцкой земли см. также с. 28–31.

¹⁶ *Данилевич В. Е.* Очерк истории Полоцкой земли до конца XIV столетия. – Киев, 1896. Важное достоинство этой книги состоит в том, что в ней история Полоцкого княжества рассмотрена не только в долитовский период, но и в XIII–XIV вв. – вплоть до прекращения существования княжества. Вместе с тем картина, нарисованная В. Е. Данилевичем, получилась довольно статичной.

ниц¹⁷, осуществлённая автором реконструкция его истории оказалась чрезвычайно важной для дальнейшего изучения истории Полотчины: на ней в значительной степени основаны выводы работ В. И. Пичеты и Ванды Мацеевской¹⁸. Обоих исследователей в наибольшей степени интересовала политическая история региона. Важным этапом изучения истории Полоцкой земли уже во второй половине XX в. стали работы А. Л. Хорошкевич¹⁹: она проследила динамику социально-экономического развития Полоцкой земли в XIV–XV вв., подготовила комментированное издание документов по истории этого региона 1263–1511 гг. В. А. Воронин посвятил специальную статью политическому строю Полоцкого воеводства в первой половине XVI в., при этом ему удалось проследить функционирование некоторых институтов и в более раннее время²⁰. Ему же принадлежат специальные исследования о вхождении Полоцкой земли в состав ВКЛ²¹ и его предыстории²², о деятельности полоцких князей XIV в.²³, о городском самоуправлении Полоцка (главным образом после введения магдебургского права)²⁴. Швейцарский историк Штефан Родевальд изучал процесс социального расслоения полочан, взаимодействие разных

¹⁷ Якубовский И. В. Земские привилеи Великого княжества Литовского. – Ч. 2. – С. 263–279, 296–303.

¹⁸ Пичета В. И. Полоцкая земля в начале XVI в. // Пичета В. И. Белоруссия и Литва XV–XVI вв. Исследования по истории социально-экономического, политического и культурного развития. – М., 1961. – С. 213–262 (впервые статья издана в 1926 г.); Maciejewska W. Dzieje ziemi Polockiej za Witolda (1385–1430) // Ateneum Wileńskie. – Т. VIII. – 1933. – S. 1–56.

¹⁹ См., в частности: Хорошкевич А. Л. Генеалогия мещан и мещанское землевладение в Полоцкой земле конца XIV – начала XVI в. // История и генеалогия. – М., 1977. См. также комментарии А. Л. Хорошкевич в вып. 3–5 «Полоцких грамот».

²⁰ Варонін В. А. Палітычны лад Полацкага ваяводства ў першай палове XVI ст. // Беларускі гістарычны агляд. – 1998. – Сш. 1 (8). – С. 27–64. См. также обобщающий очерк его авторства: Воронин В. А. Полоцк в составе Великого княжества Литовского // Полоцк. Минск, 2012.

²¹ Варонін В. А. Падзеі 1307 года ў Полацку: спроба крытычнага разбору // Гісторыя і археалогія Полацка і Полацкай зямлі: Матэрыялы V Міжнароднай навуковай канферэнцыі (24–25 кастрычніка 2007 г.). – Полацк, 2009. – С. 30–40.

²² Варонін В. А. Полацкі і цвярскі епіскап XIII стагоддзя Сімяон: вехі біяграфіі і дзейнасці // Беларускі гістарычны часопіс. – 2012. – № 10. – С. 14–18.

²³ Варонін В. А. Вялікія князі полацкія (канец XIV ст.) // Полацк: карані нашага радавода: Матэрыялы Міжнароднай навуковай канферэнцыі. – Полацк, 1996. – С. 44–50. В настоящее время некоторые выводы этой статьи требуют пересмотра, но в целом она сохраняет актуальность.

²⁴ Варонін В. А. Войт-ваявода і мяшчане ў канфлікце 1558 года ў Полацку // Соціум. Альманах сацыяльнай історыі. – Вып. 7. – Київ, 2007. – С. 59–65; Его же. Арганізацыя гарадской улады ў Полацку ад канца XIV да сярэдзіны XVI ст. // Studia Historica Europae Orientalis. Исследования по истории Восточной Европы. – Вып. 3. – Минск, 2010. –

социальных групп между собой, с верховной властью и внешними контрагентами²⁵. При этом для XIV–XV вв. он привлёк почти исключительно те источники, что были опубликованы А. Л. Хорошкевич в «Полоцких грамотах» (хотя более тщательное изучение «внешних» по отношению к Полоцку источников, в том числе неопубликованных, могло бы привести его к иным выводам), а административную систему Полоцкой земли щедро наделил разными внешними «влияниями» – польского общественно-политического строя, немецкого городского права, привилеев великих князей литовских. С таким подходом нельзя согласиться, хотя Ш. Родевальду и удалось сделать целый ряд точных наблюдений и справедливых выводов.

Таким образом, до сих пор в историографии специально рассматривались, по сути, лишь отдельные аспекты или институты управления Полоцкой землёй в названный период. Возникает необходимость проследить распределение властных полномочий между великим князем литовским, полоцким князем (для XIV в.) или великокняжеским наместником/воеводой (в конце XIV – XV в.) и местным обществом.

Сохранившийся набор источников диктует некоторую односторонность: увидеть систему управления регионом удаётся главным образом через призму его контактов с внешними партнёрами. Исследователи традиционно придают большое значение анализу формуляра посланий полоцких наместников/воевод, бояр и мещан. Не отрицая значения формулярного анализа, следует всё же заметить, что его возможности не безграничны: хотя формулы посланий и правовых документов и отражали существенные стороны социальной действительности и административной практики, во многом они были трафаретными. В условиях, когда письменная коммуникация ещё не завоевала безраздельного превосходства над устной, к составлению грамот привлекались писцы разного происхождения и возраста, употреблявшие как старые, так и новые термины и формулы (то же относится и к палеографии грамот, особенно

С. 124–134; *Его же*. Магдебургское право в Полоцке в 1498–1563 гг. // Полоцк. – Минск, 2012. – С. 237–245.

²⁵ Rohdewald S. «Vom Polozker Venedig». Kollektives Handeln sozialer Gruppen einer Stadt zwischen Ost- und Mitteleuropa (Mittelalter, frühe Neuzeit, 19. Jh. bis 1914). (Quellen und Studien zur Geschichte des östlichen Europa, Bd. 70.) Stuttgart, 2005. В настоящее время готовится перевод этой книги на белорусский язык. См. также: Родевальд Ш. От вече к городскому совету: о развитии органов власти полоцких горожан до начала XVI в. // Беларускі горад у часе і прасторы: 500 гадоў Полацкай магдэбургіі. Зб. навук. прац. Наваполацк; Мінск, 2001. – С. 15–25.

древнейших)²⁶. Поэтому источники местного происхождения по возможности следует сопоставлять с «внешними». Вместе с тем главное внимание будет уделено источникам XIV – первой половины XV в. В историографии большой популярностью пользуется ретроспективный метод, в особенности применительно к областному привилею 1511 г. (и позднейшим подтверждениям). Не отказываясь от использования этого источника, следует всё же заметить, что это иногда выливается в крайность, когда то или иное положение документа, дошедшего до нас в редакции начала XVI в., механически возводится чуть ли не к XII столетию. Сказывается взгляд на Великое княжество Литовское как на некий заповедник древнерусских общественно-политических порядков, не учитывается его социально-экономическое и политическое развитие. Поскольку данные о внутреннем строе Полоцкой земли, сохранившиеся в источниках главным образом первой половины XVI в., уже анализировались в историографии, то в центре внимания настоящей статьи будут находиться взаимоотношения полочан с государственной властью, которая до конца XIV в. была представлена главным образом полоцким князем, а после этого – великим князем литовским и его наместником/воеводой, а также властные полномочия самих полочан.

Хронологические рамки статьи определяются проблематикой и состоянием комплекса источников по теме. Нижней хронологической границей служит рубеж XIII–XIV вв., когда Полоцкая земля перешла под власть династии Гедиминовичей, недавно утвердившейся на литовском престоле. В качестве верхней хронологической границы выбран 1440 год – год возведения на литовский престол малолетнего Казимира Ягеллона. На первый взгляд, это идёт вразрез с историографической традицией, которая многие «вольности» полочан связывает с династической войной 30-х годов XV в. Однако есть опасность за бурными событиями политической истории не разглядеть другой стороны жизни Великого княжества Литовского – социального и экономического развития, которое не оставило столь яркого следа на страницах источников, но тоже способствовало эво-

²⁶ Этот тезис можно проиллюстрировать примером, относящимся к 1466 г. и потому немного выходящим за хронологические рамки данной статьи. Если опираться исключительно на полоцкие источники, то может создаться впечатление, что торговый конфликт между полочанами и рижанами, разгоревшийся в этом году, был спровоцирован всеми группами населения Полоцка, участвовавшими в торговле с Ригой. Однако из посланий властей Риги литовским сановникам выясняется, что ведущая роль в его эскалации принадлежала всё-таки боярам, которые относительно недавно включились в торговлю с Ригой (Liv-, est- und curländisches Urkundenbuch. Abt. 1. Bd. 12. 1460–1472 / Hrsg. von Ph. Schwartz und A. von Bulmerincq. – Riga; Moskau, 1910. – № 434. – S. 238). Это создаёт более реалистичное представление о соотношении общественных сил в Полоцке.

люции всех сторон жизни, в том числе и системы управления. Задача как раз и состоит в том, чтобы увидеть, с чем Полоцкая земля пришла к 30-м годам XV века, а комплекс источников даёт такую возможность.

Полоцкое княжество в XIV веке

Несмотря на узость базы источников по истории Полоцкой земли XIV в. по сравнению со следующим столетием, они позволяют в общих чертах охарактеризовать властные отношения в ней. На рубеже XIII и XIV вв. Полоцкая земля переживала кризис княжеской власти: в это время некий полоцкий князь-«язычник» (скорее всего, имеется в виду литовец), не имевший наследников, принял католицизм и завещал Полоцкую землю рижскому архиепископу. Однако вскоре (до 1305 г.) в ответ на притеснения, чинимые крестоносцами, полочане признали верховную власть литовского князя Витеня²⁷. Какое-то время во внешних сношениях Полоцк представлял епископ: от имени епископа Якова составлено послание в Ригу с просьбой пропустить зерно в Полоцк²⁸. Впрочем, неизвестно, сколь долго продолжалось такое положение: судя по упоминанию Витеня в послании Якова, оно было написано при жизни этого князя, то есть до 1316 г. А уже в 1326 г. в Полоцке княжил Воишь – брат Гедими-на²⁹. Полоцкий епископ сохранял влияние в светских делах как в первой половине XIV в.³⁰, так и в конце этого столетия или в начале следующего: в послании этого времени, не имеющем годовой даты, упоминается посольство рижан в Полоцк к наместнику, епископу и полочанам³¹. Сведения об участии полоцкого архиепископа в светской политической жизни дошли до нас от первой половины XVI в.³², но для XV в. на этот счёт ничего не известно.

²⁷ Подробнее см.: *Варонін В. А.* Падзеі 1307 года ў Полацку.

²⁸ ПГ. – Вып. 1. – № 3 (Т. 1. – № 3). Пользуясь случаем, отмечу, что представление о средневековом Новгороде как о «теократической республике», верховная власть в которой якобы принадлежала архиепископу (и в которой ищут аналогии политическому строю Полоцка в начале XIV в.), не совсем верно. Вероятно, оно восходит к рассказу Жильбера де Ланнуа, называвшего новгородского владыку «как бы их (т.е. новгородцев. – С. П.) влестителем» (*Лукин П. В.* Новгородское вече. – С. 357).

²⁹ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / Подг. А. Н. Насонов. – М.; Л., 1950. – С. 98.

³⁰ ПГ. – Вып. 1. – № 3, 4; Вып. 3. – Прил. 1; *Die Recesse und andere Akten der Hansetage von 1256–1430.* – Bd. 8. – Leipzig, 1897. – № 1177.

³¹ «So wetet gy, acbare(n) here(n) borghermeisters en(de) raet tho der Righe, also de bodeschap, de gy my bevole(n) tho werve(n) an den nameestnicke(n), an den bisschop un(de) an de ghemeine(n) Polotscuers, de bodeschop hebb ich gheworve(n) na myner samwitticheyt en(de) na juwen breyve, so ich alre best conde...» (LVVA. – F. 673. – Apr. 4. – K. 18. – L. 88).

³² *Варонін В. А.* Палітычны лад Полацкага ваяводства. С. – 34–36.

Тем не менее достаточно быстро после перехода земли под власть Витеня княжеская власть в Полоцке восстановила свои позиции: уже в 1326 г. упоминается полоцкий князь Воинь, впоследствии же полоцкий стол занимали Любко (?), Глеб-Наримонт Гедиминович, Андрей Ольгердович, Лугвень, Скиргайло³³. О сохранении и последующем усилении позиций княжеской власти говорит перестройка княжего терема в замке, выполненная как раз в XIV в.³⁴, и возведение крепостной стены в 1363 г.³⁵, т.е. в период напряженной борьбы с ливонским отделением Тевтонского ордена при Андрее Ольгердовиче.

Административную систему Полоцкой земли в XIV в. после её стабилизации источники позволяют охарактеризовать лишь в самых общих чертах. Высшая власть в её пределах принадлежала князю; последнего назначал правитель Литовского государства, а в спорных ситуациях его власть могли дополнительно санкционировать члены правящей династии Гедиминовичей³⁶. Полочане могли изгнать неугодного им князя, как это произошло со Скиргайлом в конце XIV в.³⁷ Судя по архаичным формулировкам некоторых статей областного привилея 1511 г., которые очень напоминают договоры Новгорода с князьями XIII–XIV вв., уже в это время заключались письменные договоры полочан с князьями, на которых последние целовали крест. Несмотря на довольно частые смены князей на полоцком столе, здесь, как и в других владениях Гедиминовичей (Витебской, Луцкой, Подольской землях), наметилась тенденция складывания местной «династии»: об этом свидетельствуют земельные вклады Михаила Андреевича, сына Андрея Ольгердовича, в пользу православной Церкви³⁸. Однако эта тенденция из-за перипетий судьбы Полоцкой земли так и не получила столь яркого развития, как на Подолье, Волыни или Киевщине.

³³ Подробнее см.: *Варонін В. А.* Вялікія князі полацкія; ПГ. – Т. 2. – С. 411–416.

³⁴ *Дук Д. В.* Социально-топографическое и планировочное развитие замковых частей Полоцка в XIV–XVIII вв. // Полоцк. – Минск, 2012. – С. 270–275.

³⁵ *Тарасаў С. В.* Полацк IX–XVII ст.: Гісторыя і тапаграфія. – Мінск, 1998. – С. 41.

³⁶ ПГ. – Вып. 1. – № 8, 9, 10 (Т. 1. – № 13, 14, 16). Очевидно, воля литовских великих князей-язычников относительно судьбы их владений выражалась в устной форме, отсюда происходили многочисленные конфликты по этому поводу. О записи Полоцкого княжества Андрею Ольгердовичу его братьями говорится в его присяжной грамоте ливонскому магистру: ПГ. – Вып. 1. – № 8, 9 (Т. 1. – № 13, 14).

³⁷ *Nikodem J.* Rola Skirgiełły na Litwie do 1394 roku // *Scripta minora*. – Т. 2. Poznań, 1998. – S. 83–129, здесь с. 97; см. также: *Подберёзкин Ф. Д.* «Pugnans contra paganos»: осада Полоцка 1381 г. и проблема происхождения сведений о Руси в немецких хрониках // *Древняя Русь. Вопросы медиевистики*. – 2015. – № 3 (61) (в печати).

³⁸ Полоцкая ревизия 1552 г. – М., 1905. – С. 173.

Полоцкий князь распоряжался земельным фондом: сохранилось или известно по кратким упоминаниям достаточно много сведений о земельной политике полоцких князей³⁹, в частности, сохранился полный текст грамоты Андрея Ольгердовича о пожаловании боярину Фёдору и его сыну Дмитрию – первым известным представителям влиятельного и богатого полоцкого рода Корсаков⁴⁰. Судя по последующей судьбе этих пожалований, они не требовали утверждения со стороны великого князя литовского.

Полоцкий князь возглавлял войска во время походов, а также, по всей видимости, вершил суд. На время отсутствия князя в городе (например, из-за военного похода или поездки к господарю) его полномочия могли переходить к его ближайшим родственникам. Об этом свидетельствуют послания и пожалования, составленные от имени жены и сыновей Андрея Ольгердовича⁴¹. Хотя Гедимин в знаменитом договоре с Тевтонским орденом и его союзниками 1323 г. и подчёркивал принадлежность Полоцка к своим владениям⁴², в дальнейшем связи региона с великокняжеской властью, по сути, сводились к участию в походах великих князей литовских и, по-видимому, уплате дани⁴³. О самостоятельности полоцких князей свидетельствует их титул – «великий князь» в древнерусских источниках, «гех» в латинских, «koninghe» в средненижнемецких⁴⁴ – и ситуация 1385–1387 гг., когда Андрею Ольгердовичу удалось выйти из подчинения Ягайлу и принести ленную присягу ливонскому магистру Робину фон Эльтцу.

В ленной грамоте Андрея Ольгердовича говорится, что князь передаёт Полоцкую землю в лен ливонскому отделению Тевтонского ордена с согласия своих наследников, а также советников, «а именно Верзилы

³⁹ *Варонін В. А.* Чарсцвяды: ад двара княскага да двара гаспадарскага // *Гісторыя і археалогія Полацка і Полацкай зямлі: матэрыялы VI Міжнароднай навуковай канферэнцыі* (1–3 лістапада 2012 г.): у 2 ч. – Ч. 1. – Полацк, 2013. – С. 73–74.

⁴⁰ ПГ. – Вып. 1. – № 6 (Т. 1. – № 11).

⁴¹ ПГ. – Вып. 1. – № 11 (Т. 1. – № 15); *Варонін В. А.* Вялікія князі полацкія.

⁴² *Chartularium Lithuaniae res gestas magni ducis Gedemine illustrans. Gedimino laiškai* / Par. S. C. Rowell. – Vilnius, 2003. – № 25, 51. – Р. 80, 168.

⁴³ Ср.: *Любавский М. К.* О распределении владений и об отношениях между великими и другими князьями Гедиминова рода в XIV и XV вв. [М., 1895.] (Отдельный оттиск из: Издания исторического общества при Московском университете. Рефераты, читанные в 1895 году.)

⁴⁴ ПГ. – Вып. 1. – № 6, 7, 8, 9; Вып. 3. – Прил. 1 (Т. 1. – № 8, 10, 11, 13, 14). Как показывают примеры титулования удельных князей ВКЛ, собранные Я. Адамусом, в великокняжеском титуле Андрея Ольгердовича нет оснований видеть признак его стремления отложиться от ВКЛ (*Adamus J.* O tytule panującego i państwa litewskiego parę spostrzeżeń // *Kwartalnik Historyczny*. – 1930. – R. 44. – T. 1. – Zesz. 3).

(Виршилы?⁴⁵), нашего наместника, и его брата, старшего из наших бояр, именуемого Фёдор» («videlicet Werzilen, nostri advocati, ipsiusque fratris, nostrorum baronum superioris, Foder nuncupati»)⁴⁶. Слово *advocatus* в средневековой латыни обладало широким спектром значений⁴⁷, в орденских источниках XIV в. применительно к землям ВКЛ оно могло обозначать наместника, старосту, представителя, уполномоченного⁴⁸, а в самом Ордене так назывался фогт – должностное лицо, под началом которого находился замок с прилегающей к нему территорией. При этом в ливонском отделении Ордена, в отличие от прусского, фогт стоял на той же ступени административной иерархии, что и комтур. Вероятно, и в ленной грамоте Андрея Ольгердовича это слово означает некую административную должность. Но какую? В. А. Воронин склонен видеть в «адвокате» Андрея Ольгердовича городского тивуна или его предшественника. При этом исследователь ссылается на латинские документы ВКЛ, в которых слово «advocatus» означало войта. Однако такое значение появилось лишь после 1387 г. – крещения Литвы и начала пожалования магдебургского права городам ВКЛ (первыми его получили Вильна в том же 1387 г. и Берестье в 1390 г.). Не говорится в грамоте Андрея Ольгердовича и о связи его «адвоката» с Полоцком или с городом вообще. Поэтому нет особых оснований помещать «адвоката» князя Андрея именно в системе управления городом. Не исключено, что за указанным латинским словом скрывался наместник. Ведь княжеские наместники известны в русских и литовских городах XIII–XIV вв., в том числе и в центрах княжеств – Смоленске⁴⁹, Вильне и Троках⁵⁰; вероятно, аналогичные функции выполнял луцкий воевода, упоминаемый в договоре луцкого князя Дмитрия-Любарта с польским королём Казимиром III⁵¹.

Более определённо на основании того же документа, т.е. присяжной грамоты Андрея Ольгердовича, можно утверждать, что уже в XIV в. в По-

⁴⁵ Такой вариант интерпретации имени полоцкого сановника предложил А. Дубонис в устной беседе.

⁴⁶ ПГ. – Вып. 1. – № 8 (Т. 1. – № 13).

⁴⁷ ПГ. – Вып. 3. – С. 155 (Т. 2. – С. 35).

⁴⁸ Petrauskas R. Lietuvos diduomenė XIV a. pabaigoje – XV a.: Sudėtis – struktūra – valdžia. – Vilnius, 2003. – Р. 169.

⁴⁹ Смоленско-рижские акты. – № 4, 5. – С. 615, 625 (1284 г.).

⁵⁰ Petrauskas R. Lietuvos diduomenė. – Р. 153 (Вильна – 1365 г., Троки – 1377 г.). Кстати, применительно к Трокам в современной хронике Германа Вартберге, сохранившейся в латинском оригинале, употребляется именно это слово – «advocatus» (SRP. – Bd. 2. – S. 113).

⁵¹ Розов В. Українські грамоти. – Т. 1: XIV в. і перша половина XV в. – Київ, 1928. – № 7. С. 14.

лоцке существовал институт «старших бояр», известный по документам XV–XVI вв.⁵² Княжеский аппарат управления был представлен, по всей видимости, тивунами, ключником, бобровничим (они известны по данным XV – середины XVI в., но, по-видимому, возникли они ещё в эпоху Полоцкого княжества⁵³). Вместе с тем он был слабо развит, судя по упоминанию «ездока» в грамоте Андрея Ольгердовича.

Как отметил уже В. И. Пичета, «выдвижение кандидатов на должности наместников-воевод, а также посылка великому князю поклонных просьб от имени всей земли предполагают функционирование специальных учреждений, краевых сеймов, постановления которых являются отражением настроений всей Полоцкой земли»⁵⁴. И хотя есть основания думать, что на деле, во всяком случае в первой половине XVI в., они означали право полочан отклонять неугодного им воеводу⁵⁵, сути дела это не меняет: реализовывать это право должен был какой-то орган власти, а раз соответствующие статьи привилея 1511 г. принадлежат к его древнейшему пласту⁵⁶, то он должен был существовать уже в конце XIV в. Определение этого органа как «краевого сейма» правомерно для первой половины XVI в., но к этому времени социальный и административный облик Полоцкой земли претерпел существенные изменения: бояре значительно потеснили мещан в торговле, землевладении и управлении регионом, Полоцку было пожаловано магдебургское право. Привилей Витовта в данном случае явно фиксировал сложившееся ранее соотношение сил, и чтобы определить, кто в Полоцке мог отклонять неугодных наместников в его эпоху, необходимо обратиться к источникам предшествующего периода – XIV в.

Эти источники неоднократно упоминают «полочан» как субъект права. Так, в послании епископа Якова рижскому пробсту и городскому совету (конец XIII или начало XIV в.) говорится: «была любовь ваша первая с полочаны, съ дѣтми моими: што вамъ было надобѣ, то было ваше»⁵⁷. В 1338 г. «полочане» целовали крест на соблюдении литовско-ливонского договора⁵⁸. В 1380 г. ливонский магистр заключил перемирие «с Ягайлом и с полочанами»⁵⁹. В сентябре 1386 г. смоленский князь Юрий Святосла-

⁵² Подробнее см.: *Варонін В. А.* Палітычны лад Полацкага ваяводства. – С. 39–54.

⁵³ *Варонін В. А.* Палітычны лад Полацкага ваяводства. – С. 36–37.

⁵⁴ *Пичета В. И.* Полоцкая земля. – С. 221.

⁵⁵ *Варонін В. А.* Палітычны лад Полацкага ваяводства. – С. 28–30.

⁵⁶ *Макараў М. Д.* Ад пасада да магдэбургіі. – С. 150–151, 159.

⁵⁷ ПГ. – Вып. 1. – № 3 (Т. 1. – № 3).

⁵⁸ ПГ. – Вып. 3. – Прил. 1 (Т. 1. – № 8).

⁵⁹ *Liv-, esth- und curländisches Urkundenbuch nebst Regesten. Bd. 3. Nachträge zu den zwei ersten Bänden, Fortsetzung von 1368–1393 / Hrsg. von F. G. Bunge. – Reval, 1857. – № 1152 (ПГ. – Т. 1. – № 12).*

вич, присягая Ягайлу и Скиргайлу, обещал «со Ондреемъ Полоцкимъ и с полочаны миру не держати... а ни сылати ся»⁶⁰. В уставе рижского торгового двора в Полоцке, датированном 29 сентября 1393 г., предусматривалась ситуация, когда купцам нужно было идти вместе со старостой «к королю или к полочанам»⁶¹. Несомненно, здесь нашла отражение более ранняя практика, поскольку Скиргайло был сведён с полоцкого стола совсем незадолго до этого⁶².

Весьма показателен комплекс документов, относящийся к урегулированию полоцко-рижских торговых взаимоотношений в конце 30-х гг. XIV в. Сначала Гедимин и его приближённые заключили договор с ливонским отделением Ордена и Ригой о создании мирной зоны для торговли, утверждённый, в частности, крестоцелованием «епископа Полоцка, короля и города Полоцка»⁶³. Вскоре после этого был составлен полоцко-рижский договор о порядке взвешивания товаров, скреплённый печатями полоцкого князя Глеба-Наримонта и епископа Григория (сохранился оригинал)⁶⁴. В Рижском городском архиве сохранился и третий документ, составленный от имени городского совета Риги и адресованный полочанам⁶⁵. Этот документ публиковался лишь однажды и совершенно прошёл мимо внимания историков: его нет ни в «Ливонских грамотах», ни в «Ганзейских грамотах», ни в обоих изданиях «Посланий Гедимины», ни в первом издании «Полоцких грамот»⁶⁶. Не вполне ясен характер документа. Судя по его формулировкам, он был обращением властей Риги к полочанам. Написан он не на бумаге, которая в середине XIV в. использовалась для коммуникации с русскими землями (древнейший русский документ на бумаге – договорная грамота смоленского великого князя Ивана Алек-

⁶⁰ Смоленские грамоты XIII–XIV веков. – М., 1963. – С. 72.

⁶¹ HUB. – Bd. 5. – № 125. – S. 74 (§ 4).

⁶² Подробнее об этом см. ниже.

⁶³ ПГ. – Вып. 3. – Прил. 1 (Т. 1. – № 8).

⁶⁴ ПГ. – Вып. 1. – № 4 (Т. 1. – № 9).

⁶⁵ Die Recesse und andere Akten der Hansetage von 1256–1430. – Bd. 8. – Leipzig, 1897. № 1177. – S. 752–753. Благодарю М. Малинг (Берлин) за указание на эту публикацию. Сохранившийся экземпляр (LVVA. – F. 673. – Apr. 4. – K. 18. – L. 36) представляет собой пергаменный лист, на одной стороне примерно на одну четверть высоту сверху заполненный средненижнемецким текстом послания, который переписан почерком первой половины – середины XIV в. Адреса нет, но из текста становится ясно, что послание было адресовано полочанам вскоре после заключения договоров – общего (с Гедимином) и о порядке взвешивания. Судя по дороговому материалу, перед нами, вероятно, чистовик послания, по каким-то причинам не отправленный.

⁶⁶ Документ был известен А. Л. Хорошкевич, но не был ею ни опубликован, ни использован в исследованиях. Новейшая публикация: ПГ. – Т. 1. – Прил. № 1.

сандровича с Ригой⁶⁷), а на дорогом пергамене. При этом в документе отсутствуют протокол и эсхатокл. Это заставляет усомниться в том, что перед нами послание или его черновик: в первом случае рижане вряд ли стали бы пренебрегать важными формальностями, во втором – вряд ли стали бы составлять черновик на столь дорогом материале, как пергамен. Возможно, перед нами посольская инструкция⁶⁸. Но по стилю оформления она отличается от других инструкций того времени, обычно разбитых на краткие пункты, каждый из которых начинается с новой строки со слова «Item» (и нередко написанных на бумаге, как документы, не предназначенные для долгосрочного пользования). Как бы то ни было, перед нами обращение властей Риги к неким полочанам. Каково же его содержание и какие выводы из него можно сделать?

Из рижского документа выясняется, что полочане отправляли в Ригу своих послов для обсуждения условий договора о порядке взвешивания, рижане составили проект договора и отправили его в Полоцк, после чего полочане написали текст договора и представили его на утверждение «королю и епископу». Как выясняется из того же источника, полочане вправе быть или не быть охваченными мирным договором, который заключил с Ливонией Гедимин (имеется в виду договор от 1 ноября 1338 г.). Раз происходила коммуникация по вопросу заключения договора о порядке торговли, значит, существовала некая организация, представлявшая жителей Полоцка, в частности, во внешних контактах. Вместе с тем она находилась в процессе оформления: если в первой половине XIV в. полочане не имели своей печати, а важнейшие документы скреплялись печатями полоцкого князя и епископа, то к концу века такая печать появилась⁶⁹, что свидетельствует как о росте использования письменного документа, так и об институционализации собраний полочан. К сожалению, остаются неизвестными такие важные аспекты деятельности этих собраний, как их численность и состав, расстановка сил на них. Можно лишь предполагать, что, коль скоро в их ведении находились вопросы внешней торгов-

⁶⁷ Каштанов С. М. Распространение бумаги на Руси в XIV–XVI вв. // Столярова Л. В., Каштанов С. М. Книга в Древней Руси (XI–XVI вв.). – М., 2010. – С. 95–100.

⁶⁸ Такую мысль в переписке со мной высказала М. Малинг (Берлин), которой приношу искреннюю благодарность.

⁶⁹ Она оттиснута на послании полоцкого наместника Монтигирда и полочан властям Риги, которое датируется 1394–1396 гг. Это наиболее ранний случай использования данной печати. См.: ПГ. – Вып. 1. – № 17 (Т. 1. – № 32); Rimša E. Pieczęcie miast Wielkiego Księstwa Litewskiego / Tłum. J. Sienkiewicz. – Warszawa, 2007. – S. 796–800.

ли, наиболее заинтересованными в них были те горожане, которые вели такую торговлю⁷⁰.

Таким образом, источники о Полоцке XIV в., несмотря на их немногочисленность, позволяют говорить о собрании полочан, которое наряду с князем и епископом участвовало в выработке условий договоров и их заключении, причём договоров не только торговых, но и политических.

От княжества к наместничеству

Перемены во властных отношениях в Полоцкой земле начались намного раньше прихода к власти Витовта, ещё в 1387 г., когда Полоцк был отобран у Андрея Ольгердовича и пожалован его единокровному брату Скиргайлу. Одновременно он получил гораздо более значимое Трокское княжество. В результате Полоцкая земля перестала быть местом практически постоянного пребывания князя. К тому же Скиргайло, судя по всему, был бездетным (возможно, даже не был женат)⁷¹, а потому, в отличие от Андрея Ольгердовича, не мог оставить в городе своих домочадцев, что также не способствовало укреплению его связей с полочанами. Вполне вероятно, что в городе находился Скиргайлов наместник, во всяком случае в периоды его отсутствия там (трудно себе представить, чтобы князь, покидая город, оставил его на произвол судьбы), однако важнейшие вопросы решались князем. Так, рижанину Герману Дасбергу в апреле–мае 1393 г. пришлось отправиться к Скиргайлу в Менск – очевидно, весьма значимый для него административный центр, – чтобы провести переговоры об освобождении задержанных там рижских купцов с их товарами и поручиться за них⁷². Переговоры именно с князем (и с полочанами), как уже говорилось, предусматривает и устав двора немецких купцов в Полоцке.

Это создало предпосылки для дальнейшего роста самостоятельности горожан. Так, судя по всему, при их участии около 1390 г. Полоцк на какое-то время «дался» Витовту, воевавшему с Ягайлом и Скиргайлом⁷³,

⁷⁰ Это предположение подтверждает позднейшее обращение рижан к «высшим купцам» Полоцка (см. подробнее: *Rohdewald S.* – *Op. cit.* – S. 110–116).

⁷¹ *Petrauskas R.* [Rec.:] Jan Tęgowski. Pierwsze pokolenie Giedyminowiczów (Biblioteka genealogiczna. T. 2). Poznań. – Wrocław: Wydawnictwo Historyczne, 1999. – 320 p. // *Lietuvos istorijos metraštis.* – 2001 metai. – T. 1. – Vilnius, 2002. – P. 192.

⁷² *Лицкевич О. В.* Документы по истории Менской земли за 1386–1393 гг. // *Мінск і мінчане: дзесяць стагоддзяў гісторыі (да 510-годдзя атрымання Менскам магдэбурскага права): матэрыялы Міжнароднай навукова-практычнай канферэнцыі, 4–5 верасня 2009 г.* – Мінск, 2010.

⁷³ Известие «Летописца великих князей литовских», составленного в окружении Витовта в конце его правления, позволяет датировать это событие 1389 или 1390 г. (ПСРЛ. – Т. 35. – С. 64, 70, 88).

но вскоре был возвращён королевскому брату. Однако уже в 1392 г. Витовт примирился с Ягайлом и, получив от него свою вотчину с центром в Троках, принялся устранять с политической сцены крупнейших удельных князей, которые могли служить ему противовесом, или низводить их до такого положения, которое лишало их этого влияния⁷⁴. Мероприятия Витовта не обошли стороной и Полоцк: в апреле 1393 г. там ещё распоряжался Скиргайло⁷⁵, но не позже конца октября того же года он оказался при дворе польского короля, где и оставался в последующие месяцы⁷⁶, а, по-видимому, к концу 1394-го получил Киев, отобранный у Владимира Ольгердовича, где вскоре и умер⁷⁷. Это означало, что власть над бывшими владениями Скиргайла, в том числе Полоцкой землей, перешла к Витовту.

К сожалению, неизвестно, каким образом это произошло. Судя по документу Витовта от 3 октября 1393 г., текст которого сохранился в списке XV в.⁷⁸, дело не обошлось без конфликта, так что примирять двух литовских князей на встрече во Львове⁷⁹ пришлось королеве Ядвиге. Значит, Полоцкая земля должна была перейти под власть Витовта поздней весной или летом 1393 г. Судя по тексту соглашения, в котором упоминаются подданные (*subditi*) как Витовта, так и Скиргайла, у этого последнего остались какие-то владения, но неизвестно, где они располагались, сохранились ли они от предшествующего времени или состоялось выделение нового удела. Как бы то ни было, каким путём и при каких обстоятельствах совершился переход Полоцкой земли под власть Витовта, остаётся неизвестным. Можно лишь констатировать этот факт и задаться вопросом: кем и чем предстояло управлять Витовту?

Как показал В. А. Воронин, в XIV в. полоцкие князья жаловали своим подданным и передавали Церкви владения, занимавшие впоследствии окраинное положение в Полоцкой земле⁸⁰. Вплоть до начала XVI в. терри-

⁷⁴ *Nikodem J. Witold, wielki książę litewski (1354 lub 1355 – 27 października 1430).* – Kraków, 2013. – S. 141–171.

⁷⁵ HUB. – Bd. 5. – № 92 (ПГ. – Т. 1. – Прил. № 3).

⁷⁶ *Rachunki dworu króla Władysława Jagiełły i królowej Jadwigi z lat 1388 po 1420.* (Monumenta medii aevi historica res gestas Poloniae illustrantia. T. 15.). – Kraków, 1896. – S. 53–57, 172, 173, 176, 185, 191–192, 196, 199–200, 227, 230, 562. Этот источник фиксирует пребывание Скиргайла в Малой Польше вплоть до начала июля 1394 г.

⁷⁷ Подробнее см.: *Lietuvos istorija.* – Т. 4. – Vilnius, 2009. – P. 372 – 374, 376 (текст Р. Петраускаса).

⁷⁸ CESXV. – Т. 2. – Dod. 1. – P. 472.

⁷⁹ *Rutkowska G. Itinerarium królowej Jadwigi z lat 1384–1399 // Dzieło Jadwigi i Jagiełły. W sześćsetlecie chrztu Litwy i jej związków z Polską.* – Warszawa, 1989. – S. 215.

⁸⁰ *Воронин В. А. Чарсцвяды.* – С. 73–74.

ториальный состав региона не претерпевал существенных изменений⁸¹. О персональном составе верхушки полоцкого общества известно очень мало, тем не менее можно констатировать, что крупнейшие бояре Корсаки сохранили своё влияние, а купцы Сорочковы, или Сорочковичи – своё благосостояние. Иными словами, несмотря на попадание в плен к Ягайлу Андрея Полоцкого вместе с его боярами⁸² и возможные репрессии в самом Полоцке, полной смены общественной верхушки на Полотчине не произошло ни после пертурбаций конца 70 – 80-х годов XV в., ни после вытеснения оттуда Скиргайла.

Так полоцкого князя в роли «господаря» Полоцкой земли сменил великий князь литовский. В качестве своего «господаря» его воспринимали полочане⁸³, ему принадлежало право верховной собственности на землю: и при Витовте, и впоследствии все известные пожалования земли, даней и зависимых людей на Полотчине этого периода осуществлены от его имени. К нему обращались рижане с жалобами на полочан. Большую часть времени в Полоцке его представлял его наместник, или воевода (о нём пойдёт речь ниже), а великий князь появлялся там относительно редко, пребывая в историческом центре государства – Литовской земле. Чаше всего Полоцк посещал Витовт: почти за сорок лет правления он побывал там в марте 1399 г.⁸⁴, октябре 1400 г.⁸⁵, 1411 г., 1426 г.⁸⁶; в ряде посланий, содержание которых указывает на промежуток между 1393 и 1405 гг. (они не имеют годовой даты), сообщается о пребывании Витовта в Полоцке в декабре и январе⁸⁷, но пока неясно, идёт ли речь об одном или о нескольких визитах в Полоцк и когда именно они имели место. Следующий великий князь Свидригайло за почти двухлетнее правление (1430–1432), судя по имеющимся данным, не был в Полоцке ни разу. После его свержения с литовского престола Полоцк стал его главным опорным пунктом в войне с Сигизмундом Кейстутовичем. Полочане признавали власть Свидригайла

⁸¹ Подробнее см.: *Хорошкевич А. Л.* Полоцкие грамоты как исторический источник // ПГ. – Т. 2. – С. 331–332.

⁸² *Rachunki dworu.* – S. 565. На это обратил внимание В. А. Воронин: *Варонін В. А.* Старонка біяграфіі князя Андрэя Полацкага // Гістарычны альманах. – Т. 15. Гародня, 2009. – С. 3.

⁸³ ПГ. – Вып. 1. – № 38 (Т. 1. – № 55).

⁸⁴ ПГ. – Вып. 1. – № 24, 26 (Т. 1. – № 38, 39); HUB. – Bd. 5. – № 364, 365.

⁸⁵ ПГ. – Вып. 1. – № 27 (Т. 1. – № 41); HUB. – Bd. 5. – № 433.

⁸⁶ *Purc J.* Itinerarium Witolda wielkiego księcia Litwy (17 lutego 1370 roku – 27 października 1430 roku) // *Studia z dziejów Wielkiego Księstwa Litewskiego XIV–XVIII wieku.* (Zeszyty Naukowe Uniwersytetu im. A. Mickiewicza. Ser. Historia. Zesz. 11.). – Poznań, 1971. – S. 92, 104 (в последнем случае ошибочно напечатано «Płock» вместо «Połock», но в указателе мест, посещённых Витовтом, эта ошибка исправлена).

⁸⁷ ПГ. – Вып. 1. – № 46 (Т. 1. – № 29); LVVA. – F. 673. – Apr. 4 (K-18). – № 78, 114.

до лета 1436 г., и за это время – неполных четыре года – он бывал в городе четырежды: в сентябре – октябре и декабре 1432 г. (до и после первой попытки отвоевать у Сигизмунда Кейстutowича владения и престол, которая закончилась Ошмянской битвой)⁸⁸, летом 1433 г.⁸⁹, в сентябре 1435 г.⁹⁰ Это объясняется тем, что Полоцк находился недалеко от границы с Ливонией, а ливонская ветвь Тевтонского ордена постоянно оказывала Свидригайлу военную помощь, поэтому город прекрасно подходил для сбора войск с целью последующего соединения с ливонцами и похода в Литву⁹¹. О визитах в Полоцк Сигизмунда Кейстutowича, которому регион был подконтролен в 1436–1440 гг., ничего не известно. В ВКЛ, в отличие от соседней Польши, не сложилась система регулярных объездов государства монархом, и великие князья навещались в Полоцк нерегулярно – как правило, для решения конкретных вопросов местной жизни или в связи с военными действиями на данном направлении, реже – в ходе объездов территории страны. Во время таких визитов господарь вершил суд вместе с полочанами, разбирал конфликтные ситуации в их отношениях с соседями, осуществлял пожалования.

Относительная редкость визитов великого князя в Полоцк компенсировалась при помощи поездок полочан к нему. Такие поездки совершали не только отдельные бояре и горожане, но и целые их делегации, члены которых рассматривались как «послы»⁹².

Но великий князь не мог быть постоянно доступным каждому своему подданному из разных уголков страны. Поэтому в управлении Литовским государством возрастала роль нового для него средства коммуникации – письменного документа. Именно в конце XIV в. возникла великокняжеская канцелярия – институция, которая могла обеспечивать более или менее постоянную и интенсивную коммуникацию великого князя с его подданными и соседями. Вероятно, в конце XIV в. возник древнейший

⁸⁸ Liv-, est- und curländisches Urkundenbuch. – Bd. 8. – 1429 Mai – 1435 / Hrsg. von H. Hildebrand. – Riga; Moskau, 1884. – № 624, 632, 651.

⁸⁹ Geheimes Staatsarchiv Preußischer Kulturbesitz. XX. Hauptabteilung (Königsberger Archiv) (далее – GStAPK, OBA) 6540, 6541.

⁹⁰ Псковские летописи / Подг. А. Н. Насонов. – Вып. 2. – М.; Л., 1955. – С. 45, 132.

⁹¹ В. А. Воронин выделяет ещё одну причину (правда, гипотетическую), по которой Свидригайло в 1432 г. бежал в Полоцк, – военную мобильность полоцких «местичей», превосходивших в этом отношении бояр, расселённых по сёлам (Воронин В. А. Полоцк в составе Великого Княжества Литовского. – С. 225).

⁹² ПГ. – Вып. 1. – № 25 (Т. 1. – № 45); LVVA. – F. 673. – Apr. 4 (K-18). – L. 78, 97. Именно таким «послам» полочан приказывал рубить головы Сигизмунд Кейстutowич в 1436 или 1437 г. (Liv-, est- und curländisches Urkundenbuch. – Bd. 9. – 1436–1443 / Hrsg. von H. Hildebrand. – Riga; Moskau, 1889. – № 133).

великокняжеский привилей Полоцкой земле, впоследствии пополнявшийся новыми положениями. Вместе с тем известно, что уже в конце XIV или начале XV в. Витовт отправлял полочанам специальные грамоты со своими распоряжениями⁹³. «Повелением» Витовта полоцкий наместник Монтигирд и полочане сначала подтвердили торговый договор с Ригой, заключённый князем Семёном-Лугвеном (очевидно, несколькими годами ранее)⁹⁴, а затем расторгли его, опять-таки со ссылкой на великокняжеское распоряжение⁹⁵. Грамотами оформлялись начавшиеся при Витовте массовые раздачи земли, даней и зависимых людей, проводившиеся от имени господаря, а также судебные решения его наместников⁹⁶. При этом можно отметить не только рост количества документов, но и повышение их информативности, эффективности как средства разрешения конфликтных ситуаций. Так, сначала Витовт урегулировал отношения полочан с рижанами в каждом конкретном случае, но ряд условий договора не фиксировался письменно⁹⁷; когда же конфликтные ситуации стали повторяться постоянно, на полоцко-рижских переговорах были выработаны условия торгового договора, утверждённые Витовтом и ливонским магистром Конрадом фон Фитингхофом в Копыси 2 июля 1406 г., а в следующем году – полочанами и рижанами⁹⁸. Представляется отнюдь не случайным, что после заключения Копысского договора сократилась частота поездок Витовта в Полоцк и интенсивность переписки рижских властей с ним.

После 1393 г. Полоцкой землей управлял сановник, назначаемый великим князем. Сначала он именовался наместником⁹⁹, а с конца 30-х гг. XV в. постепенно стал утверждаться новый термин – «воевода». Воеводой впервые называет себя Прижконт в послании в Ригу, которое предположительно можно датировать самым началом XV в. (ок. 1402–1403 гг.)¹⁰⁰,

⁹³ ПГ. Вып. 1. № 25, 46 (Т. 1. № 29, 45).

⁹⁴ ПГ. Вып. 1. № 17 (Т. 1. № 32).

⁹⁵ HUB. Bd. 5. № 247.

⁹⁶ См. упоминание о «листе судовом» полоцкого наместника Немира, который предъявлялся полоцкими боярами Оскерчицами и Теличиничами на господарском суде в 1557 г.: ПГ. Вып. 2. М., 1978. № 165 (Т. 1. № 28). Этот документ мог возникнуть между 1409 и 1422 гг.

⁹⁷ LVVA. F. 673. Apr. 4. K. 18. L. 78, 83.

⁹⁸ ПГ. Вып. 1. № 34, 35, 37, 38 (Т. 1. № 48–52, 54–55).

⁹⁹ Это название должности употребляется и в гипотетически выделяемой древнейшей части полоцкого областного привилея; в такой форме (в транскрипции) это слово зафиксировано в некоторых посланиях рижских купцов.

¹⁰⁰ ПГ. Вып. 1. № 53 (Т. 1. № 44). А. Л. Хорошкевич датирует его примерно 1439 г., и эта дата утвердилась в научной литературе. Однако послание написано более архаичным почерком, а упоминаемые в нём реалии более правомерно относить к последствиям войны 1401–1404 гг. (см. подробнее: ПГ. Т. 2. С. 60–61).

примерно с середины XV в. это наименование должности прочно закрепилось в Полоцке (воеводами последовательно именовали себя Андрей Сакович, Пётр Монтигирдович, Олехно Судимонтович), тем не менее вплоть до 1504 г. высший светский сановник Полоцкой земли именуется от случая к случаю то наместником, то воеводой, иногда даже державцей¹⁰¹. Один и тот же человек мог именоваться и воеводой, и наместником. Так, 8 марта 1464 г. Олехно Судимонтович назван наместником полоцким, а уже 17 июля – воеводой¹⁰².

В полоцком областном привилее говорится о назначении наместника по согласованию с полочанами; как уже говорилось, в первой половине XVI в. это означало, что полочане могли отослать неугодного им наместника и просить у господаря нового¹⁰³.

Особого внимания заслуживает «кадровая политика» великих князей литовских в Полоцке. Обычно утверждается, что в результате реформ Витовта великокняжескими наместниками на русских землях становились, как правило, литовские бояре-католики. Однако данные о полоцких наместниках/воеводах демонстрируют несколько иную картину. Должность полоцкого наместника в рассматриваемый период занимали кн. Семён-Лугвень (ок. 1393–1395 гг.)¹⁰⁴, литовский боярин Монтигирд (ок. 1394/96 гг. – 1399 г., ранее июля 25)¹⁰⁵, не названный по имени родственник жены Витовта (назначен незадолго до 25 июля 1399 г.)¹⁰⁶, Домонт (упоминается в двух недатированных посланиях 1399–1407 гг., в одном из которых наместниками также названы Василий Дмитриевич, Овдошко Толстоусович, Терешко Константинович)¹⁰⁷, Прижкент (1402–1403 гг.)¹⁰⁸, Кн. Иван Семёнович [Баба] Друцкий (упоминается в августе 1409 г.)¹⁰⁹, полоцкий боярин Фёдор (Корсак) (между 1409 и 1412 гг.)¹¹⁰, литовский боярин Ян Немир (1412)¹¹¹, кн. Григорий – вероятно, Григорий Семёнович Друцкий (1420-е гг.)¹¹², православный боярин Ходко Юрьевич (27 сентября

¹⁰¹ ПГ. – Вып. 1. – № 113 (Т. 1. – № 154).

¹⁰² ПГ. – Вып. 1. – № 115, 116 (Т. 1. – № 160, 161). О датировке см.: ПГ. – Т. 2. – С. 134–135.

¹⁰³ *Varonin B. A.* Палітычны лад Полацкага ваяводства. – С. 28–30.

¹⁰⁴ ПГ. – Вып. 1. – № 19, 21 (Т. 1. – № 36, 37). Даты, приводимые в скобках, – это даты упоминаний того или иного лица в должности полоцкого наместника/воеводы.

¹⁰⁵ LVVA. – F. 673. – Apr. 4. – K. 18. – L. 80.

¹⁰⁶ LVVA. – F. 673. – Apr. 4. – K. 18. – L. 80.

¹⁰⁷ ПГ. – Вып. 1. – № 30 (Т. 1. – № 40); LVVA. – F. 673. – Apr. 4. – K. 18. – L. 79

¹⁰⁸ ПГ. – Вып. 1. – № 53 (Т. 1. – № 44).

¹⁰⁹ ПГ. – Вып. 1. – № 39, 40 (Т. 1. – № 56, 57).

¹¹⁰ ПГ. – Вып. 1. – № 43 (Т. 1. – № 61).

¹¹¹ ПГ. – Вып. 1. – № 44, 45 (Т. 1. – № 62, 63).

¹¹² ПГ. – Вып. 1. – № 49 (Т. 1. – № 66).

1422 г.)¹¹³, полоцкий боярин Василий Дмитриевич Корсак (между 1422 и 1434 гг.)¹¹⁴ и некий Михаил (1434/35)¹¹⁵. Все они именуются наместниками (в иноязычных источниках употребляются соответствующие наименования должностей – нем. *Hauptmann*, лат. *capitaneus*), за исключением «воеводы» Прижкента, относимого к этому периоду гипотетически (но, на мой взгляд, с большой долей вероятности)¹¹⁶.

Как видно из приведенных данных, должность полоцкого наместника занимали не только бояре-католики, присланные из Литвы, но и православные князья (Лугвень, Друцкие) и местные бояре (Корсаки). Уже в конце XIV в. намечается тенденция использовать с целью подчинения того или иного периферийного региона власти великого князя его вельмож, знакомых местному обществу. Так, несомненно, полочане помнили Лугвеня как «великого князя полоцкого» времен Ягайла и Кейстута, и поэтому Витовт назначил его своим полоцким наместником. Эта традиция продолжается и впоследствии: в начале XV в. полоцкими наместниками побывали двое Друцких князей (по происхождению, скорее всего, Рюриковичей, связанных с соседней Витебщиной), а во второй половине XV в. полоцкими воеводами становятся Пётр Монтигирдович – сын Монтиги́рда, Андрей Сакович и его сын Богдан, двое Глебовичей – Станислав и Ян Юрьевич¹¹⁷. Возвращаясь в конец XIV и начало XV в., не следует забывать и о том, что и интересы Витовта, и средства их реализации были прежде всего династическими. У Витовта, в отличие от Ягайла, не было многочисленных братьев, на которых он мог бы положиться, поэтому он прибегал к помощи литовских бояр. Но это не означает, что у Витовта *вообще* не было родственников и «приятелей», которые были бы более приемлемы для жителей периферийных регионов. Важно, что это был верный господарю человек, который назначался и отзывался им, его представитель. Сходная картина наблюдается в Киевской и Смоленской землях: в первой наместниками/воеводами были Иван Ольгимонтович Гольшанский, его сыновья Андрей и Михаил, во второй – Ямонт Тулунтович и Роман Михайлович Брянский (что, кстати, показывает общность интересов жителей разных уголков Литовской Руси в их взаимоотношениях с великокняжеской властью)¹¹⁸. При этом и Друцкие, и Гольшанские были свояками

¹¹³ Dokumenty strony polsko-litewskiej. – S. 11.

¹¹⁴ ПГ. – Вып. 1. – № 52 (Т. 1. – № 67).

¹¹⁵ Rigische Kämmerer-Register. – Bd. 1. – S. 192.

¹¹⁶ См. также: ПГ. – Т. 2. – С. 413.

¹¹⁷ О таких «династиях» наместников и воевод см.: *Petrauskas R. Lietuvos diduomenė XIV a. pabaigoje – XV a.: Sudėtis – struktūra – valdžia.* – Vilnius, 2003. – P. 160–163.

¹¹⁸ Русина О. В. Контрверзи історії київської княжої традиції XIII–XVI ст. // *Русина О. В. Студії з історії Києва та Київської землі.* – Київ, 2005; *Полехов С. В. Новые до-*

Витовта и этому были в какой-то степени обязаны своим позициям в его правление, да и впоследствии. Вероятно, поиски консенсуса с местным обществом были непростыми, коль скоро чуть более чем за четыре десятилетия в Полоцке сменились 12 наместников и воевод: для сравнения, за 1440–1513 гг. их было 9, в том числе такие «долгожители», как Андрей Сакович (1444–1458) или Олехно Судимонтович (1463–1477) (впрочем, в это время относительно краткие сроки занятия полоцкого воеводства объясняются тем, что почти для всех воевод Полоцк был лишь очередной ступенькой в карьере, чего нельзя сказать о конце XIV и первых десятилетиях XV в.).

Возможно, особенностью переходного периода было одновременное наличие в Полоцке нескольких наместников, отразившееся в одной грамоте (она не имеет даты, но по содержанию датируется временем между 1399 и 1407 гг.)¹¹⁹. Эту особенность можно объяснить двумя способами. Во-первых, собственно наместником – представителем великого князя мог быть один из них (Домонт, названный первым?), а остальные – его «наместниками» в значении «заместителей», широко распространённом в ВКЛ¹²⁰. Во избежание путаницы великокняжеский наместник иногда уже в XV в. титуловался воеводой, что в начале XVI в. получило повсеместное распространение. Во-вторых, все перечисленные «наместники полоцкие» могли стоять на одном и том же уровне иерархии должностей. Известны случаи одновременного занятия одной и той же наместничьей должности несколькими лицами: так, захватив Смоленск в 1395 г., Витовт назначил туда наместниками кн. Ямонта Тулунтовича и Василия Бореякова¹²¹, а в Козельске после его взятия в 1406 г. «посадиша посадники своа»¹²². В Ковно в начале XV в. наместниками одновременно были Ян Сунгайло и Гинтовт, в нач. 30-х гг. XV в. – вероятно, Судивой и Шедибор Волимонтовичи¹²³. В 1386 г. кн. Фёдор Острожский, став луцким наместником Ягайла, принёс ему присягу совместно с братом Михаилом¹²⁴.

кументы о Киевской земле XV века // Сфрагістичний щорічник. – Вип. II. – Київ, 2012; Полехов С. В. Смоленское восстание 1440 г. // Исторический вестник. – Т. 7 (154): Литва, Русь и Польша XIII–XVI вв. – М., 2014. – С. 160–197.

¹¹⁹ ПГ. – Вып. 1. – № 30 (Т. 1. – № 40).

¹²⁰ Например, в Смоленске во второй половине XV в. (LM. Кн. 5. – № 17. – Р. 45–46). Подробнее см.: *Petrauskas R. Ponas savo žemėje: Lietuvos pareigūnai XIV a. pabaigoje – XV amžiuje* // Lietuvos istorijos metraštis. – 2001. – Т. 1. – Vilnius, 2002. – Р. 14.

¹²¹ ПСРЛ. – Т. 4. – Ч. 1. – М., 2000. – С. 379; Т. 6. – Вып. 1. – М., 2000. – Стб. 512.

¹²² ПСРЛ. – Т. 15. – Стб. 472.

¹²³ *Petrauskas R. Ponas savo žemėje*. – Р. 13.

¹²⁴ *Archiwum książąt Lubartowiczów Sanguszków w Sławucie*. – Т. 1. 1366–1506 / Wyd. Z. L. Radziwiński, P. Skobielski, B. Gorczak. – Lwów, 1887. – № 7. – Р. 7–8.

В начале сентября 1432 г., заняв великокняжеский престол, Сигизмунд Кейстутович назначил виленским воеводой трокского воеводу Явна, но сохранил за ним его прежнюю должность, а его «соправителем» сделал князя Олелька Владимировича¹²⁵.

Великокняжеский наместник обладал значительно более узкими полномочиями, нежели «великий князь полоцкий». В отличие от него, наместник не мог самостоятельно жаловать землю, дани и зависимых людей. Это была прерогатива великого князя, а наместник лишь реализовывал его пожалования – представлял дело господарю, контролировал составление грамоты о пожаловании («правил» её), выяснял, подходит ли эта земля. Даже если наместник осуществлял такое пожалование, его, как правило, должен был утвердить господарь. Наместник возглавлял войска Полоцкой земли во время походов, вершил суд (во всяком случае ему принадлежала прерогатива суда по земельным делам, как представителю великого князя – верховного собственника земли). О характере власти наместника говорит древнейшая часть областного привилея 1511 г., восходящая ко временам Витовта: перечисленные в нём судебно-процессуальные действия, отнесённые к сфере деятельности великого князя, фактически осуществлял его наместник. Не располагал великокняжеский наместник и таким объёмом материальных ресурсов, как полоцкие князья предшествующего времени. На его обеспечение шли доходы с господарских дворов в Полоцкой земле и судебные пошлины¹²⁶, но если наместник и получал на Полотчине какие-либо земли, то, скорее всего, лишь во временное держание, на время исполнения им соответствующих обязанностей. Отсюда, видимо, стремление наместников, а впоследствии воевод, скупать земли на Полотчине.

Полоцкое вече

Какую роль в изменившемся соотношении властных полномочий играли полочане? Если источники XIV в. позволяют лишь констатировать институциональные черты их участия в жизни города и региона, то для XV в. уже имеет смысл задаваться вопросами: какими были численность и состав их собраний, как они эволюционировали, какими вопросами занимались, как взаимодействовали с великим князем и его наместником/воеводой. «Полочане» по-прежнему рассматривались как правомочный юридический субъект, с которым взаимодействовали другие субъекты с целью добиться благоприятного для себя результата. Свои послания по-

¹²⁵ GStAPK, OBA 6210; *Petrauskas R. Lietuvos diduomenė*. – P. 180, nuor. 136.

¹²⁶ ПГ. – Вып. 3. – № 323 (Т. 1. – № 476).

лочанам адресовали рижане¹²⁷ и Витовт¹²⁸, к полочанам также ездили их посольства¹²⁹, сами полочане отправляли свои посольства к великим князьям и властям Риги. При этом представление о *полностью самостоятельном* значении собраний жителей Полоцка лишь складывалось: известные рижские посольства отправлялись одновременно к наместнику и полочанам (в одном случае среди его адресатов также назван епископ), грамоты рижанам адресовались от имени полочан и наместника, полочане нередко ссылались на волю великого князя или его санкцию¹³⁰. Само обилие великокняжеских посланий конца XIV – начала XV в. в Рижском городском архиве говорит о том, что власти Риги охотно апеллировали к нему и бережно хранили его решения, как последней инстанции. Лишь с 30-х годов XV в. известны самостоятельные (без участия наместника/воеводы) послания полочан. В середине – второй половине XV в. количество таких посланий резко увеличивается.

Яркий показатель процесса институционализации собраний полочан – появление «печати полоцкой и св. Софии». В конце 30-х гг. XIV в. такой печати ещё не было: к договору о торговле весовыми товарами привешены печати полоцкого князя и епископа, хотя из приведенного выше документа известно, что его условия были согласованы с полочанами. В конце же XIV и начале XV в. **такая печать оттискивалась на посланиях** полоцких наместников/воевод, написанных совместно с полочанами, причём как рядом с собственными печатями этих должностных лиц (наместников Монтигирда и кн. Ивана Семёновича Друцкого¹³¹), так и вовсе в их отсутствие. Это говорит о явлении, которое А. Л. Хорошкевич назвала «дуализмом» власти в Полоцке, – как о стремлении полочан показать определённую роль наравне с наместником воеводой, так и о признании данной ситуации этим последним.

Каким же был состав органа власти, к которому обращались (и небезуспешно) великие князья литовские и власти Риги? Дореволюционные историки охотно видели в нём вече. А. Л. Хорошкевич последовательно (хотя и условно) употребляет термин «полоцкий городской совет», т.е. усматривает в нем нечто аналогичное рижскому городскому совету. Ш. Родевальд пишет о «собраниях», относительно узких по своей численнос-

¹²⁷ «It(em) we(re)t sake, dat gy hir mer breve upsande(n) an de Russe(n), so do't wol un(de) sc(re)ved en breve uppe Russch, wente hir is nu(m)me(n)t, de de breve tolke(n) kone, de gy hir sende(n) uppe Dudesch ghescreve(n), wente se ene holde(n) van de(n) Dudessche(n) breve(n) nycht» (LVVA. – F. 673. – Apr. 4. – K-18. – L. 114).

¹²⁸ ПГ. – Вып. 1. – № 22, 46 (Т. 1. – № 19, 29); HUB. – Bd. 5. – № 365. – S. 185.

¹²⁹ LVVA. – F. 673. – Apr. 4. – K. 18. – L. 56, 88, 97.

¹³⁰ ПГ. – № 22; LVVA. – F. 673. – Apr. 4. – K. 18. – L. 53.

¹³¹ ПГ. – Вып. 1. – № 17, 40 (Т. 1. – № 32, 57).

ти, но представлявших весь город (по принципу *pars pro toto*), которые развились под польским и немецким влиянием и постепенно эмансипировались. Какую же информацию об этих собраниях можно извлечь из источников?

Сама по себе терминология источников не в состоянии однозначно ответить на вопрос о характере данного органа власти. В лучшем случае мы узнаём, что в таком «собрании» участвовали представители тех или иных социальных групп (бояре, местичи и т.д.), но сколько их было и в каком отношении они находились к населению города, – на эти вопросы послания полочан не дают ответа.

Между тем сохранилось уникальное свидетельство, которое позволяет избежать умозрительных рассуждений и недвусмысленно говорит о том, что в Полоцке в начале XV в. функционировало вече. В письме из Полоцка, датированном вторником перед днём св. Мартина (без указания года; празднуется 11 ноября), немецкие купцы сообщали в Ригу, что полочане после очередного конфликта по поводу качества весов и взвешивания соли «созвонили вече» и запретили своим согражданам и «гостям» покупать соль, не взвешенную на этих весах¹³². Это известие важно сразу в нескольких отношениях. Во-первых, из него выяснялось, что «собрание» полочан – это вече, созданное при помощи колокольного звона, а это говорит о том, что в нём принимали участие достаточно широкие круги

¹³² «Weten schole gy, borghermeste(re) unde rad, dat id iû vakene ghescr(even) is van der solt wichte, dat de valsche un(de) quad is, des heft de kopma(n) sin solt vorcoft ungheweghe(n), alset licht, unde dar wilt se wegeghelt afhebben, unde wy ene wilt es en nycht gheve(n) tor tiid, dat gy uns sc(re)ven, wer wy et schuldich sint ut to gheve(n)de edder nycht, hiru(m)me, dat wy en dat wegheghelt nycht gheve(n) ene wilt. So hebbet se en dinch ghesclage(n) unde hebbent dar a(n)ne verboden eren borghere(n) un(de) den gheste(n) nyn solt to kopende van den Dudesschen anders den uppe den pu(n)dere. Hiru(m)me so ene vorcofte wy unse solt nycht gh(er)ne uppe desseme pu(n)de(re)» (LVVA. – F. 673. – Apr. 4. – K. 18. – L. 111). Это известие использовали лишь П. В. Лукин со ссылкой на автора этих строк в качестве аналогии новгородского веча (Лукин П. В. Новгородское вече. – С. 280). Пользуясь случаем, уточню его перевод, согласно которому полочане жаловались на то, что соль, продаваемая немцами, слишком лёгкая. Хотя в конечном счете это и верно, в письме говорится о другом – что немцы хотят продавать соль, «как она лежит», т. е. упакованной в мешки, без дополнительного взвешивания в Полоцке. В другом послании, написанном тем же почерком и по тому же делу спустя несколько дней, находим формулировку «*alset lach zunder wichte*», т. е. для выражения той же мысли употреблено прошедшее время. Проблема продажи немцами соли в упакованном виде без дополнительного взвешивания остро стояла не только в Полоцке, но и в Новгороде, и новгородцы выдвигали точно такое же требование. Когда в начале XV в. они попытались его осуществить, Ганза просто прекратила подвоз соли в Новгород, и к старой практике пришлось вернуться (Хорошкевич А. Л. Торговля Великого Новгорода с Прибалтикой и Западной Европой в XIV–XV веках. – М., 1963. – С. 256–261).

жителей города, которым был слышен такой звон¹³³. О том, что участниками таких собраний были именно горожане Полоцка, а не жители ближайшей сельской округи, которые тоже могли слышать колокольный звон (такую точку зрения также можно встретить в историографии), говорят прямые свидетельства источников: так, в одном из посланий немецких купцов в Ригу говорится о разногласиях «с королём (Витовтом. – С. П.) и городом»¹³⁴. Во-вторых, как справедливо отметил П. В. Лукин, приведённое свидетельство проливает свет на «функции» вече: оно занималось повседневными делами, которые историкам XIX–XX вв. могли бы показаться малозначительными, но на самом деле были чрезвычайно актуальны для полочан. В-третьих, важные сведения извлекаются из другого послания, написанного тем же почерком и по тому же вопросу спустя несколько дней – в праздник св. Елизаветы (19 ноября). В нём говорится, что торговать невзвешенной солью немцам запретили полочане¹³⁵. Значит, под полочанами авторы посланий в Ригу могли подразумевать вече (но то, что они подразумевали под ними *исключительно* вече, совсем не обязательно). В других посланиях того же времени и аналогичной тематики говорится просто о «полочанах», устанавливающих тот или иной порядок торговли¹³⁶.

Для полноты картины необходимо рассмотреть упоминания о полоцком вече, выходящие за хронологические рамки, заявленные в начале статьи. Косвенное указание на существование вечевых собраний можно видеть в «декрете» Казимира IV полоцким боярам, мещанам, городским дворянам и чёрным людям («черни») 1486 г. Этим документом великий князь распоряжался, в частности, «абы боаре и мещане, и дворане городскии, и все посполство въ згоде межи собою были, а дела бы наши г(оспо) д(а)рьские вси зъгодою посполу справляли по давному, а сымалис(я) бы вси посполу на томъ месте, где перед тыи сымывалис(я) здавна. А без боар мещаномъ и двораномъ городскимъ, и черни соимовъ не надобе чинить»¹³⁷. Примечательно, что и великий князь, и столь влиятельная часть городского населения, как мещане, признают «чернь» полноправным участником собраний. В «декрете» Казимира слово «посполство»

¹³³ Подробнее см. специальную работу: Лукин П. В. К истории вечевых колоколов // Новгородский исторический сборник. – Вып. 14 (24). Великий Новгород, 2014. – С. 135–167.

¹³⁴ «...hir is ene grote twedracht myt desser stat un(de) myt dem konyng van Lettouwe(n)» (LVVA. – F. 673. – Apr. 4. – K. 18. – L. 105).

¹³⁵ LVVA. – F. 673. – Apr. 4. – K. 18. – L. 113.

¹³⁶ HUB. – Bd. 5. – № 354; ПГ. – Вып. 1. – № 23 (Т. 1. – № 47); LVVA. – F. 673. – Apr. 4. – K. 18. – L. 94, 113.

¹³⁷ ПГ. – Вып. 2. – № 195 (Т. 1. – № 265).

употреблено в узком смысле – как синоним «черных людей» или «черни», но гораздо чаще оно употреблялось в широком значении – «общество», «сообщество», поэтому делать далеко идущие выводы об участии «черных людей» в собраниях полочан на основании этого документа и многочисленных упоминаний «поспольства» в интитуляциях их грамот неправомерно. В узком значении слово «поспольство» употреблено в другом документе конца XV в., где перечислены его представители¹³⁸; данные о них, собранные А. Л. Хорошкевич¹³⁹, также свидетельствуют об их полноте.

С известием начала XV в. перекликается рассказ второго летописного свода Великого княжества Литовского, получивший в историографии название «Повести о Полоцке». Как бы ни оценивать его происхождение и источники¹⁴⁰, привлекают внимание слова о праве полочан «вече мети и в звон звонити», как в Новгороде и Пскове, как об одной из «вольностей», полученных от князя Бориса-Гинвила. Это известие свидетельствует о знакомстве автора «Повести» с реалиями жизни Полоцка до 1498 г. – года введения магдебургского права. Выходит, что вплоть до этого времени сохранялось вече, созываемое при помощи вечевого колокола (косвенно на это указывает вышеприведенная фраза из грамоты Казимира 1486 г., сообщающая о широком составе полоцких «соймов»).

Какие социальные группы представляло полоцкое вече? До первой половины XV в. именно о «полочанах» говорят самые разные документы – как «внешние» по отношению к Полоцку, так и исходящие от них самих. Но с течением времени появляются более точные характеристики этой группы. Так, по-видимому, в начале XV в. рядом со «всеми мужами полочанами» в интитуляциях полоцких грамот впервые упоминают-

¹³⁸ Русская историческая библиотека. – Т. 27. Литовская Метрика. – Отд. 1. – Ч. 1. Книги записей. – Т. 1. – СПб., 1910. – Стб. 464; ПГ. – Вып. 2. – № 205. – С. 127 (Т. 1. – № 272); Lietuvos Metrika. Knyga Nr. 4 (1479–1491). Užrašymų knyga 4 / Par. L. Anužytė. – Vilnius, 2004. – № 139. – Р. 147. А. Л. Хорошкевич датировала его 1492 г., связав с присягой полочан новому великому князю Александру после смерти Казимира. Однако документ сохранился в 4-й книге записей Литовской метрики, которая охватывает 1479–1491 гг., – в частности, в неё записан и «декрет» Казимира 1486 г. о городских работах в Полоцке; комплекс же документов, связанных с восшествием на престол Александра, компактно размещён в 5-й книге записей. Поэтому мне представляется более правомерным относить перечень полочан, получивших «присяжные листы», к концу правления Казимира; возможно, его следует связывать с тем же «декретом».

¹³⁹ ПГ. – Вып. 4. – С. 116–117 (Т. 2. – С. 193–194).

¹⁴⁰ Подробнее см.: *Флоря Б. Н.* Историческая традиция об общественном строе средневекового Полоцка // Отечественная история. – 1995. – № 5. – С. 110–116; *Філіпович М. А.* Полоцька земля в літописних та актових джерелах XI–XVI століть. – Київ, 2014. – С. 88–110.

ся бояре¹⁴¹. Примерно тогда же возникает представление о стратификации внутри группы «полочан» или «мужей полочан», поскольку появляется упоминание «от мала до велика». Позже с боярами начинают соседствовать «местичи», а затем и «все поспольство». Появление бояр и местичей в интитуляциях полоцких посланий в Ригу обычно датируют 30-ми годами XV в. Основание такой датировки¹⁴² обычно видят в двух факторах: во-первых, слово «местичи» в датированном источнике на территории ВКЛ впервые появляется в 1432 г., а во-вторых, считается, что права полоцких местичей должны были расшириться в годы войны между Свидригайлом и Сигизмундом Кейстутовичем в 1432–1438 гг. Однако первое датированное упоминание отнюдь не означает, что ранее это слово не было известно в ВКЛ. Напротив, грамоты Сигизмунда Кейстутовича должны были быть понятны его подданным, а слово «местичи» и «место» были давно известны на территории соседнего Польского королевства. Вероятнее всего, один из этих источников возник ещё в 20-е годы XV в., во всяком случае между 1422 и 1434 гг.¹⁴³ Несомненно, полоцкие местичи получили от Свидригайла привилей беспошлинной торговли на территории его владений не ранее сентября 1432 г., т.е. уже после его бегства в Полоцк. Наконец, одно дело – наименование той или иной социальной группы, и совсем другое – участие представителей этой группы в управлении. Основную массу населения Полоцка составляли горожане (бояре, вероятно, в массе своей были размещены по сёлам, а городскими дворами владели лишь самые состоятельные из них, такие как Корсаки); кому же, как не им, сходиться на колокольный звон для участия в вече, пусть даже в сохранившихся источниках этого периода они не называются местичами или мещанами?

Вместе с тем не стоит недооценивать влияние полоцкого боярства уже в первой трети XV в. Ш. Родевальд подчёркивает, что с упразднением полоцкого княжеского стола бояре потеряли источник своего положения, так что им нужно было искать новые его источники – идти на службу к ве-

¹⁴¹ ПГ. – Вып. 1. – № 53 (Т. 1. – № 44). О датировке см. выше.

¹⁴² Из посланий, о которых здесь идёт речь (ПГ. – Вып. 1. – № 50, 51, 52, 53; Т. 1. – № 44, 67, 68, 71), надёжно датируется лишь одно, написанное вскоре после Вилькомирской битвы, в конце 1435 г. или до 31 августа 1436 г.: ПГ. – Вып. 1. – № 51 (Т. 1. – № 71).

¹⁴³ ПГ. – Вып. 1. – № 52 (Т. 1. – № 67). Датировка связана с упоминанием Василия Дмитриевича Корсака в качестве полоцкого наместника: учитывая упоминание полоцкого наместника Михаила в 1434/35 г., а также репрессии Сигизмунда Кейстутовича против полочан в 1436–1437 гг. и его стремление занять ключевые должности в управлении русскими землями ВКЛ верными ему людьми, больше оснований относить это послание к периоду до 1436 г., точнее, между 1422 и 1434 гг. (упоминания соответственно Ходка и Михаила как полоцких наместников).

ликому князю литовскому и/или приобретать землю¹⁴⁴. Землевладение же полоцкого боярства сложилось относительно поздно, и в этом отношении Корсаки были исключением. Однако это не означает, что в первой половине XV в. бояре в Полоцке были полностью лишены влияния. Как уже говорилось, полоцкие послания в Ригу, в интитуляциях которых появляются бояре, есть основания датировать не второй половиной 30-х годов XV в., а 1402–1403 и 1422–1434 гг. соответственно. Полоцкий наместник Немир между 1409 и 1422 гг. (возможно, около 1412 г.) осуществлял суд по торговому конфликту между полочанином и рижанином совместно с боярами. В решении великого князя литовского Казимира 1486 г. сохранилось упоминание о некоей грамоте Витовта, посвященной сбору «помочи» с разных групп жителей Полоцка, в том числе и с бояр¹⁴⁵. В сентябре 1432 г. Свидригайло был принят в Полоцке местными «боярами и жителями»¹⁴⁶, а спустя несколько дней его посольство к ливонскому магистру правили «русский князь Василий Иванович из Полоцка» и боярин Леонид Патрикиевич¹⁴⁷, известный по грамоте архиепископа Симеона II середины XV в.¹⁴⁸. Участие в посольстве наряду с князем – вероятно, из рода Друцких – говорит о достаточно высоком месте Леонида Патрикиевича в общественной иерархии Полоцка. Значит, к этому времени боярство уже существовало в Полоцке как достаточно влиятельная сила.

Наконец, упоминания «малых» в источниках конца XIV – начала XV в. и «черни» в решении Казимира 1486 г., как и приведенные выше данные о созыве веча при помощи колокольного звона, указывают на участие в нем наименее обеспеченной, непривилегированной части свободного и полноправного городского населения, известной в разных городах Руси под именем «черных людей». Это не было особенностью Полоцка: известно об их участии в вечевых собраниях Смоленска, Новгорода, Пскова, Твери¹⁴⁹.

¹⁴⁴ Rohdewald S. – Op. cit. – S. 101–103.

¹⁴⁵ ПГ. – Вып. 2. – № 195 (Т. 1. – № 20, 265).

¹⁴⁶ LECUB. – Bd. 8. – № 624.

¹⁴⁷ LECUB. – Bd. 8. – № 632.

¹⁴⁸ Матвеев И. И. Неизвестная полоцкая грамота второй половины XV в. // Доклады и сообщения Института языкознания АН СССР. – № 4. – М., 1953. – С. 71–84; Пудалов Б. М. Загадка комиссионных грамот. XVI век // Исторический архив. – 2000. – № 5. – С. 203–204; ПГ. – Т. 1. – № 135.

¹⁴⁹ Лукин П. В. Новгородское вече в XIII – XV вв. Историографические построения и данные ганзейских документов // Споры о новгородском вече: междисциплинарный диалог. Материалы «круглого стола» (Европейский университет в Санкт-Петербурге, 20 сентября 2010 г.). (Res publica. Вып. 6). – СПб., 2012. – С. 10–60, здесь с. 30–33.

Вместе с тем уже в источниках конца XIV – начала XV в. имеются признаки выделения более узкой группы полочан, обладающих властными полномочиями. Как отметил Ш. Родевальд, среди полочан в это время источники выделяют «старших», «добрых»¹⁵⁰. Сохранилось свидетельство этого времени о поездке делегации примерно из 40 «высших» полочан к Витовту¹⁵¹ (разумеется, в достаточно длительную поездку из города не могла уехать *вся* городская верхушка). О некоем относительно компактном собрании полочан свидетельствует послание немецких купцов в Ригу 1409 г., в котором рассказывается, как немцы и полочане после осмотра весов направились к наместнику (на размеры этой группы косвенно указывает её мобильность)¹⁵². О том же косвенно свидетельствуют условия полоцких проектов договоров с Ригой и история предшествовавших им торговых конфликтов¹⁵³: немцам запрещалось вести розничную торговлю, устанавливались минимальные размеры продаваемых и покупаемых партий, а ведь столь масштабную торговлю могли вести лишь очень состоятельные люди.

Приведённые свидетельства не позволяют согласиться и с другой мыслью Ш. Родевальда – о заимствовании полочанами организации и наименования собраний из практики коммуникации с рижанами. Швейцарский учёный указывает на собрания общины немецких купцов в Полоцке, в которой существовал руководящий слой, как на возможный источник такого заимствования. Однако едва ли такие собрания могли быть заимствованы из замкнутой иноязычной среды, с которой полочане контактировали лишь по определённым поводам (прежде всего торговым). Иное дело – терминология: вполне возможно, что такие термины, как «посольство», были заимствованы из переписки с властями Риги. Дело в том, что она велась на старобелорусском (западнорусском) языке, и введение таких терминов могло принадлежать рижанам для передачи привычных им терминов. Но за терминологией должны были стоять некие реалии, которые бы она обозначала. Более того, сначала эти реалии должны были развиться до такой степени, что традиционная терминология перестала удовлетворять потребностям адекватного их обозначения. Таким образом, вся совокупность данных свидетельствует, что перед нами – не но-

¹⁵⁰ Rohdewald S. – Op. cit. – S. 110–116. См. также: ПГ. – Вып. 1. – № 30 (Т. 1. – № 40).

¹⁵¹ HUB. – Bd. 5. – № 358.

¹⁵² HUB. – Bd. 5. – № 862.

¹⁵³ См. специальную работу: Хорошкевич А. Л. Договоры Полоцка 1405–1406 гг. как источник по истории его внешней торговли и торговой политики // Археографический ежегодник за 1962 год. – М., 1963.

вообразование по рижскому или «центральноевропейскому» образцу, а результат эволюционного развития местного института, известного ещё по летописям долитовской эпохи.

Каковы были полномочия полочан в конце XIV – первой половине XV в. (как бы ни определять состав органа власти, стоящего за этим расплывчатым определением, – как вече или как некоего более узкого собрания)? Историки XIX–XX вв., рассуждая о «функциях» вечевых собраний русских городов, опирались на летописные известия, а потому относили к полномочиям вече решение тех дел, которые попали на страницы летописей, – призвание и изгнание князей, законодательство, объявление войны и заключение мира и т.д., одним словом, вопросы «большой политики». Но как выясняется из корреспонденции немецких купцов, торговавших с Новгородом, этим дело далеко не ограничивалось: на вече речь шла и о таких вопросах, которые вовсе не показались бы современному историку важными (торговля и проч.). В результате анализа этих источников П. В. Лукин пришёл к выводу, что «это вопросы, которыми вече *могло* заниматься. Могло оно заниматься и *другими* вопросами, с современной точки зрения, совершенно малозначимыми... А могло *не заниматься и этими*, что делает столь естественную для классической историко-юридической науки постановку вопроса о его функциях практически иррелевантной»¹⁵⁴. В случае Полоцка ситуация с источниками обратная: большинство сохранившихся источников посвящено торговле с Ригой, поэтому данная сфера компетенции вече (или более узкого по своему составу и численности собрания полочан) известна лучше всего. Полочане устанавливали порядок торговли в своём городе – запрещали или разрешали розничную торговлю, продажу невзвешенной соли, принимали или отвергали новые весы и т. д. Причём имеются не только многочисленные свидетельства, которые говорят, что они делали это *фактически*. Это право признавали за ними рижане и Витовт, не считая чем-то незаконным, из ряда вон выходящим. Несмотря на то что Витовт активно пользовался своими властными полномочиями (сохранял за рижанами их права¹⁵⁵, разрешал им остаться в Полоцке¹⁵⁶, изгонял их оттуда¹⁵⁷, задерживал там купцов¹⁵⁸ или их товары – очевидно, через посредство наместника), полочане – это не простые исполнители воли великого

¹⁵⁴ Лукин П. В. Новгородское вече. – С. 277. Там же см. подробный обзор историографии.

¹⁵⁵ ПГ. – Вып. 1. – № 22 (Т. 1. – № 19).

¹⁵⁶ ПГ. – Вып. 1. – № 21 (Т. 1. – № 37); HUB. – Bd. 5. – № 576.

¹⁵⁷ HUB. – Bd. 5. – № 568.

¹⁵⁸ ПГ. – Вып. 1. – № 20 (Т. 1. – № 43).

князя литовского, раз тот советуется с ними¹⁵⁹. Возможно, в этом смысле отношения Витовта с полочанами претерпели определённую эволюцию. В послании Витовта в Ригу 1397 г. и послании немецких купцов в Ригу 1399 г.¹⁶⁰ говорится, что то или иное полоцко-рижское соглашение достигнуто временно, до его подтверждения Витовтом. Но уже согласно жалованной грамоте Витовта 1399 г., полочане должны были целовать крест рижанам на справедливых условиях торговли. По справедливому замечанию А. Л. Хорошкевич, условия полоцко-рижской торговли изложены в грамоте Витовта чрезвычайно расплывчато. Очевидно, уже тогда предполагалось, что конкретные условия должны согласовать полочане и рижане. По-видимому, многочисленные торговые конфликты полочан с рижанами и особенности их соглашений заставили великого князя изменить тактику. В одном из писем немецких купцов в Ригу рассказывается, как те отправились к Витовту, находившемуся тогда в Полоцке, жаловаться на полочан по поводу порядка взвешивания товаров: «На это король ответил нам и сказал, что ему не было об этом известно, его здесь не было, когда был заключён мир, он намерен посоветоваться со своими горожанами и дать нам ответ». После этого Витовт через двух своих вельмож передал немцам, что необходимо провести полоцко-рижский съезд¹⁶¹. В другом послании передаются слова Монтигирда: он знает о договоре лишь то, что ему сообщили полочане¹⁶². Таким образом, в условиях господства устного слова конкретное содержание того или иного порядка, «старины» великому князю и его наместнику могли сообщить лишь полочане¹⁶³.

Эти обстоятельства, по-видимому, повлияли на дальнейшее урегулирование полоцко-рижских отношений. Вместо полоцко-рижского договора, который, судя по проектам 1405 г., планировалось заключить первоначально, соглашение было заключено в две стадии: сначала, в 1406 г., договор с рижанами заключил Витовт, а затем, год спустя – полочане (причём полоцко-рижский договор 1407 г. довольно точно и близко к тексту передаёт содержание Копысского). В Копысском договоре имеется

¹⁵⁹ HUB. – Bd. 5. – № 364; LVVA. – F. 673. – Apr. 4. – K. 18. – L. 78.

¹⁶⁰ ПГ. – Вып. 1. – № 19 (Т. 1. – № 36); HUB. – Bd. 5. – № 365.

¹⁶¹ «Des antwerde uns de konyng un(de) sede, em en were dar nicht witlik an, he en were hir nicht, do de vrede ghemaket wart, he wolde sick bespreken myt synen borgheren un(de) wolde uns eyn antwerde seggen. Des sande he uns twe van synen uppersten un(de) segheden uns, dat id van unseme doende nicht en were, u(m)me de wicht to sprekende, dar mosten boden u(m)meteen up un(de) wedder beide van Dudeschen un(de) van Russen» (LVVA. – F. 673. – Apr. 4. – K. 18. – L. 78).

¹⁶² HUB. – Bd. 5. – № 354.

¹⁶³ Груша А. І. Улада непарушнасці і памяці: «старина» і яе трансфармацыя ў XV – першай трэці XVI ст. // Соціум. – Вип 10. – Київ, 2014. – С. 216–245, здесь с. 230 и след.

более прямое указание: ст. 2 запрещает розничную торговлю вплоть до особых договорённостей полочан и рижан. В 1407 г. «мужи полочане» заключили договор с Ригой, который на понятном им языке повторял положения Копысского договора.

Однако торговлей полномочия полочан не ограничивались. В одном недатированном послании начала XV в. говорится о неких претензиях полочан к немцам по поводу церкви этих последних. Полочане судили суд с наместником/воеводой – не только по торговым делам, но и, как выясняется из источников начиная с середины XV в., по земельным¹⁶⁴. Полочане ходатайствовали перед рижанами и ливонским магистром за свою «братью», просили военной помощи против Сигизмунда Кейстутовича, осаждавшего Полоцк в конце 1435 г. И в этом слышится отголосок не только бурных событий 30-х годов XV века, когда жители Полоцка, только что не щадившие себя во имя возвращения на престол свергнутого оттуда Свидригайла, на некоторое время оказались предоставлены сами себе, но и событий полувековой давности, когда Ягайло заключал перемирие с ливонским магистром не в одиночку, а с полочанами, а спустя несколько лет Юрий Святославич Смоленский, присягая Ягайлу и Скиргайлу, обещал не заключать союз и не ссылаться со своими вчерашними союзниками – Андреем Ольгердовичем и полочанами.

Проведённое исследование позволяет во многом уточнить представления о соотношении властных прерогатив в Полоцкой земле, эволюции этого соотношения в XIV–XV вв., в особенности при переходе от княжества к наместничеству в конце XIV в. Вопреки сомнениям Ш. Родевальда, удаётся проследить преемственность собраний полочан, упоминаемых в документах конца XIV – XV в., от вечевых собраний XII в. Первые не были созданы ни Копысским договором, ни заимствованием у тех или иных внешних сил – рижан, Польши и т. д. Мероприятия Витовта в сфере управления не сводились к одной лишь централизации. Пока правящие круги ВКЛ обладали достаточно скромными возможностями контроля за периферийными регионами, а аппарат управления последних был развит слабо, центральной власти не оставалось ничего иного, как считаться с

¹⁶⁴ ПГ. – Вып. 1. – № 80 (Т. 1. – № 121). Правда, как справедливо отметил Ш. Родевальд, судебная функция собраний полочан фиксируется источниками достаточно поздно (Родевальд Ш. От «вече» к городскому совету. – С. 18–20). Но не отразилась ли такая функция в известной статье полоцкого областного привилея, которая предписывала наместнику/воеводе судить суд с боярами и мещанами? Аналогичная статья читается в привилее Новгородской земле 1440 г. (Жемайтис С. Г. Привилей Новгородской земле 1440 г. // Рукописные памятники. Публикации и исследования. – Вып. 4. – СПб., 1997. – С. 215–225, здесь с. 223, ст. 10).

местным обществом, в частности признать за ним определённые властные полномочия. Оно же, несмотря на рост самостоятельности, регионального и сословного самосознания, проявляло последовательную заинтересованность в сотрудничестве с великокняжеской властью.

Sergey Polekhov

**Power in Polotsk in the 14th and the first half of the 15th century.
From the history of relations between the center and regions
in the Grand Duchy of Lithuania**

The article analyzes the distribution of power between the inhabitants of the Polotsk land and the grand dukes of Lithuania in the light of their relations in the 14th and the first half of the 15th century. From the dawn of the 14th century one can trace various displays of political activity of the Polotsk inhabitants. Due to a mention in an unpublished letter of the German merchants from Polotsk we learn that the form of such political activity was veche – an assembly of the townspeople convened with a ringing bell, like in Novgorod and Pskov. Similar processes in the three cities may also be traced, such as the gradual institutionalization of veche (e.g. the appearance of the seal of «Polotsk and St. Sophia») and the emergence of a group of its most influential participants. It is stressed that the political activity of the Polotsk dwellers and its forms were not borrowed from Latin Europe (Riga, Poland etc.) but may be traced back to the 12th century.

The «personnel policy» of the grand dukes of Lithuania is also investigated in the article. It is shown that not only Catholic boyars from the noble Lithuanian families were appointed governors and palatines of the Polotsk land, but also Orthodox boyars and princes from the families connected to the local society. The author argues that it was due to the powerful position of the local society that the grand dukes had to reckon with it.